Татьяна Сорокина

ОСОБНЯКОМ



Книга третья

Татьяна Сорокина

Особняком. Книга третья

«Автор»
2026

Сорокина Т.

Особняком. Книга третья / Т. Сорокина — «Автор», 2026

Третья книга цикла «Особняком» открывается повестью о сёстрах-близняшках — историей, в которой семейная тайна переплетается с мистикой, а любовь к родному человеку становится движущей силой на опасном пути.Аника готова на всё, чтобы вырвать сестру из цепких лап комы, и первым её шагом становится возвращение одного из похищенных крестиков, доставшихся сёстрам в наследство от матери. Эти крестики — не просто семейная реликвия, хранящая тепло чужих ладоней: они дарują своим владельцам защиту и сверхспособности, превращая обычного человека в нечто большее. Эрик, молодой начинающий художник, остро ощущает себя чужим в собственной семье. Его явная непохожесть на остальных становится для него не только поводом для душевного смятения, но и толчком к мучительному, настойчивому поиску: он отправляется навстречу тайне своего происхождения, стремясь отыскать настоящих, биологических родителей.

© Сорокина Т., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Четвёрка в квадрате 5
Пролог 6
Четырнадцать дней спустя… 14
Глава 1 15
Глава 2 20
Глава 3 24
Глава 4 30
Глава 5 34
Глава 6 39
Глава 7 45
Глава 8 51
Глава 9 58
Конец ознакомительного фрагмента. 64

Татьяна Сорокина
Особняком. Книга третья

Четвёрка в квадрате

Продолжение повести «Унылые будни мечтающей холостячки»

Тщеславие есть какая-то недозрелая любовь к славе, какое-то самолюбие, перенесенное в мнение других, — он любит себя не таким, каким он есть, а каким он показывается другим.
Лев Толстой

Один человек имеет право смотреть на другого свысока только тогда, когда он помогает ему подняться.
Габриэль Гарсиа Маркес

Пролог
Если в главном повезло, остальное дано, чтобы его оттенять…

После встречи со старцем моя жизнь раскололась надвое: до неё — я была живой, свободной, со своим голосом, своими желаниями, своими падениями; после — я стала немым пленником чужой программы, вживлённой в воспалённый лабиринт моего сознания. Я знала, что ждёт меня впереди. Мне указали путь, и я пошла по нему, как по бесконечному, глухому коридору, где не было ни ответвлений, ни дверей. Где-то вдали, пронзительной золотой искрой, мерцал свет — я знала: там выход. И я шла к нему уверенно, задыхаясь от надежды поскорее вырваться из этой липкой тьмы.

Я безоговорочно приняла навязанные извне правила игры и, перестав размениваться на сиюминутные удовольствия, устремилась к тому будущему, которое знала наизусть. Месяцы, дни, часы — словно цветной калейдоскоп — складывались в причудливый математический узор, в изящную длинную формулу, ведущую меня к неизбежному и торжественному событию. Моя жизнь обрела буквенно-цифровую направленность, имевшую свой временной предел и конечную дату… Дату его рождения. А дальше? Дальше — неизвестность, зияющая пустота. А пока тщательно спланированный алгоритм бытия, словно метроном, монотонно отстукивал дни, ожидая рождения нового человека.

28 июня 2000 г.

— Я люблю его! И хочу кричать об этом на весь мир! Он — моя вторая половина, моё дыхание. Умный, нежный, сексуальный… Да он просто красавчик! И только мой! Спасибо Тебе, Господи! Дождалась-таки я своего счастья.

31 августа 2000 г.

— Дорогой, может, не стоит торопиться?

— Торопиться? Ань, за два месяца ты пять раз предложила мне жениться на тебе. Считаешь, я этого не заметил?

— То есть я тебя подгоняю?

— Нет, что ты! Тебе просто кажется.

— А вдруг за месяц до свадьбы мы передумаем?

— Я — нет. Я готов прожить с тобой всю жизнь, до последнего вздоха, и умереть в один день. Как в сказке.

— Может, повременим со свадьбой?

— Как скажешь. Девушка, перенесите, пожалуйста, регистрацию с 20 сентября на 1 октября. Так лучше, любимая?

1 октября 2000 г.

— Анна, согласны ли вы стать женой этого мужчины?

— Да. Согласна.

— А вы, Игорь, обещаете любить Анну и в горе, и в радости?

— Да. Обещаю. Я люблю её. И буду любить всю жизнь.

1 октября 2000 г., 19:00

— Горько! Раз… Два… Три… Четыре… Пять…

26 октября 2000 г.

— Милый, кажется, я беременна! Ты представляешь? С днём рождения, любимый!

— Да ладно! Анька, правда?! Я люблю тебя, моя девочка!

28 ноября 2000 г.

— Я понимаю: Моцарт развивает мозг и формирует сознание малыша. Но мне хочется слушать рок — Диану Арбенину, Земфиру, «Би-2» наконец. Классика с утра до вечера — это шаг назад, в позапрошлый век. А мне хочется вдохнуть свободы, независимости, жизни, наконец … К тому же я просила свежую клубнику, а не замёрзшую вишню. И заметь: это не каприз. Это сбалансированное меню для нашего ребёнка.

31 декабря 2000 г.

— О нет, белое платье мне сегодня ни к чему! Какая из меня снежинка? Берём жёлтое — и вкатываемся в Новый год колобком.

9 января 2001 г.

— С днём рождения, Анечка! Подарок под подушкой! Нашла? Как — вырвало? Да это же твои любимые духи…

20 апреля 2001 г.

— Дорогой, ты точно этого хочешь? Может, не стоит пока узнавать, кто у нас будет? Твоими стараниями мы и так счастливые обладатели двойни. Аист в панике: как доставить два кулька за один раз?

— Аня, решили — идём, значит, идём. Узнаем — и начнём придумывать имена «парочке простых и молодых ребят».

— А если девчат?

— Тогда давай сразу прикинем все три расклада. Например, Маша и Даша — если две девочки; Паша и Саша — если два мальчика; а если мальчик и девочка — вариантов тьма. Записывай: Маша и Паша, Маша и Саша, Даша и Паша, Даша и Саша. Хотя Паша и Саша — тоже звучит. Александра — красивое девичье имя.

— Любимый, а может, пока без имён?

— Ань, сама сказала — сегодня УЗИ. Я сорвался с работы, примчался в больницу и — бац! — натыкаюсь на непонимание. Вместе решили: как только узнаем, кто живёт в этом большом и шарообразном животике, с той минуты начнём любить их предметно.

— А без имён ты не понимаешь, любишь их или нет?

— Люблю, люблю. Но с одним можно говорить неопределённо: «ребёнок». А с двумя как? «Ребёнок мой и ребёнок мой»? Как мне к ним обращаться? Называть все три варианта: «мои сыночки», «мои девочки» или «мой умный сынок и моя красивая дочурка»?

— Всё, уговорил. Наша очередь. Заходим.

Немного разволновавшись, я первой влетаю в кабинет, муж — за мной.

— Добрый день, проходите. Как я понимаю, папа решил увидеть своих малышей на экране?

— Скорее, папа решил узнать, сколько у него будет сыновей, — отозвался Игорь, шагнув ближе к монитору.

— Сейчас всё выясним. Мамочка, ложитесь на кушетку. Папа, наверное, мечтает о двух мальчиках?

— Согласно теории вероятности, шестьдесят семь процентов на мальчика — вполне достойная ставка.

— Что ж, смотрим в монитор, молодой папа. У вас девочка… и девочка.

— Как? Вы уверены? — от неожиданности я подскочила на кушетке, будто от разряда тока.

Игорь замер у экрана, превратившись в безмолвное изваяние.

— Абсолютно точно: две девочки. Значит, сын будет в следующий раз, — произнесла женщина, мягко указывая пальцем на экран.

Игорь, всё ещё не веря своим глазам, вглядывался в монитор, силясь разглядеть в двух слипшихся комочках крошечных человечков.

— Дорогой, не переживай, мальчик будет в следующий раз, — смеясь, повторила я слова доктора, выводя мужа из оцепенения.

— В следующий раз, говоришь, Анька? Ловлю на слове. Ну как же так — две девочки? Гляньте ещё раз. Среди двух младенцев — и нет пацана?

— Две чудесные, здоровые девочки. Да вы счастливец! Все папы мечтают о сыновьях, а потом дочек обожают больше. Вот и у вас в карточке указано — монозиготные близнецы, взгляните, — женщина поднесла медкарту к лицу Игоря, указывая на запись. — А это значит однояйцевые, они, как правило, одного пола и похожи друг на друга. Чему тут удивляться — наука. С ней не поспоришь. Итак, смотрим на экран… Да, срок шесть месяцев. Через три месяца — пополнение в семье. Поздравляю.

Когда мы вышли из кабинета, на Игоря было больно смотреть.

— Я же тебе говорила: давай оставим всё как есть. Вот к чему приводит мужское упрямство… — щебетала я, не в силах скрыть ликующую нотку в голосе.

— Значит, мо-но-зи-готные, — с расстановкой, будто пробуя слово на вкус, повторил Игорь. — Знаешь, Ань, а я рад. Честно. Я так сильно люблю тебя … и дочек буду любить не меньше. Они вырастут такими же красивыми и умными, как ты.

— Для справедливости, одна будет похожа на тебя.

— Осмелюсь напомнить: у нас монозиготные близнецы. А это значит — они будут одинаковыми. И вылитыми ты.

— Ладно, ладно! Сдаюсь — на меня! Две девочки… Вот это да! Я сама застыла в недоумении: а как же миссия — стать матерью Распутина? Неужели он передумал? Ведь у меня должен был родиться мальчик! Ну, хотя бы один…

20 апреля 2001 г., 16.00

— Мам, привет! У меня новость. УЗИ показало: у нас будут две девочки. Игорь в растерянности — то ли радоваться, то ли горевать. Принимаем все варианты имён к рассмотрению. Обрадуй папу: двойное женское пополнение уже в пути. Люблю вас.

20 мая 2001 г.

— Ни одного мальчика. Две девочки — и один крест. Придётся плавить металл и делать из одного два поменьше. А при крещении надеть дочкам на шею — пусть маленький, но у каждой свой собственный крестик. Осталось узнать, где берутся за такую работу. Ещё нужны две золотые цепочки — тоненькие, девичьи — и две красивые коробочки для подарков. Так что с утра, девочки, — идём втроём на шопинг!

22 мая 2001 г.

— Мам, слушай, мне надо заскочить в ювелирную мастерскую. Хочу переделать одну вещицу. Составишь компанию? Потом посидим в кафе, поболтаем. Нет, не завтра, конечно. А когда ты можешь? В пятницу? Давай в пятницу. В обед подходит? Договорились.

25 мая 2001 г., 8:00

— Игорь, сегодня мы с мамой решили прогуляться по городу, так что тебе придётся идти обедать в кафе, где ты сможешь поглазеть на представительниц прекрасного пола в прекрасной форме.

25 мая 2001 года, 9:00

— Привет, мам. Да, всё в силе, приезжай. Я пробила адрес мастерской в интернете. Нашла неподалёку — дойдём пешком. Погуляем, поговорим.

25 мая 2001 года, 9:15

— Что за шум, девчонки? Без ссор, вы же сёстры. Каждой достанется по крестику. Сегодня всё и решим.

25 мая 2001 года, 9:45

— Мам, предлагаю выпить по чашке чая в городе. Я угощаю.

— Ну, если платишь ты, диета откладывается. Глупо отказываться от дармового угощения.

— Это верно. К тому же когда ещё выпадет посидеть в кафе вдвоём?

25 мая 2001 года, 10:15

— Да дом точно этот. Тридцать пятый. Вон и вывеска — «Ювелирная мастерская», — заметила я, уловив взглядом нужное название на облупленной стене.

— Аня, осторожно, плитка на крыльце ходуном ходит. Не оступись.

— Хорошо. Я аккуратно.

— И дверь без фиксатора, как в сарае: распахивается настежь, пока о стену не грохнется. Разруха кругом, словно в девяностые попали. А цвет стен, посмотри… Кто нынче красит в салатовый?

Я улыбнулась и ступила внутрь. В полумраке комнаты разглядела плотного мужчину в очках и сером халате, сидящего за стойкой. Направилась прямо к нему.

— Здравствуйте. У меня появилась одна мысль, — начала я издалека. — Я коротко изложу, а вы подскажите: можно ли её воплотить в самый кратчайший срок?

— Слушаю вас, — оживился мужчина лет шестидесяти, пронзив меня сверлящим взглядом.

Холодок пробежал по спине, но я продолжила:

— Мне от бабушки по наследству крестик достался, — я скользнула взглядом по лицу матери, заметив в нём тень недоумения, но голос не дрогнул. — Хочу переплавить его на два поменьше, поизящнее. Для двух девочек. Металл недрагоценный — то ли медь, то ли латунь, — но мне он дорог памятью. Вот, посмотрите. Возможно ли провернуть такое? И в какую цену обойдётся такая задумка?

Я протянула крестик ювелиру.

— Тяжёленький… На два небольших точно хватит. Сейчас каталоги принесу. Гляньте, полистайте, выберите форму. Мы по эскизу клиента не работаем — только по типовым образцам. Как выберете, тогда и цену обговорим. Металл — не золото, не серебро, какой-то невнятный, на глаз не угадаешь. А на ощупь — приятный. Так где, говорите, вы его взяли?

— Из бабушкиной шкатулки. По наследству достался. Лежал там с бусами и прочей бижутерией.

— Да-да, у бабушки, значит… — Он задумчиво покачал головой. — Если по весу судить, вам вот такая форма подойдёт. — Он ткнул пальцем в страницу каталога.

Дядька меня откровенно напрягал, но я старалась не выдать нарастающей тревоги — боялась, что он угадает в металле скрытую ценность. Крестики на картинке и впрямь были красивы: лёгкие, девичьи, без особой витиеватости. Предложенный вариант мне сразу пришёлся по душе.

— Очень милые. Если на два хватит, давайте сразу и оформим.

— А вы не хотели бы узнать, из какого сплава ваш крест? Я мог бы подсобить. У меня сын — он, правда биолог, но любит возиться с камнями да минералами; думаю, вмиг определит.

— Спасибо, не стоит. Его ценность в другом — в памяти предков.

— Понял. Тогда завтра к вечеру постараюсь управиться. Работы тут немного: растопить да в готовую форму залить.

— А можно сегодня? Мне очень нужно.

— Нет, сегодня не выйдет: заказов много.

— Жаль. Тогда я поищу другую мастерскую. Мне нужно именно сегодня.

Я протянула руку за крестом.

— Подождите. Я сделаю. Думаю, часам к четырём будет готово, ну, может, в четверть пятого. Правда, работа выйдет подороже. За срочность — цена по двойному тарифу.

— Да, конечно, я понимаю. Оформляйте заказ. Я оплачу вперёд. Мы немного прогуляемся, а к четырём вернёмся.

25 мая 2001 г., 12:20

— Что ни говори, а грушевый штрудель — всё же прекрасная вещь. Но до контрольного взвешивания — больше ни грамма теста, — пробормотала я, усаживаясь глубже в кресло в кафе через дорогу.

25 мая 2001 г., 13:30

— Нет, мам, я не устала. Давай прогуляемся по набережной. День-то какой хороший: солнце, небо, воздух… По магазинам? Ну хорошо, пойдём пройдёмся по магазинам. Мне бы ещё в ювелирку заскочить, цепочки посмотреть.

В ювелирном магазинчике, встретившемся по дороге, мы наткнулись на распродажу. На серебряные украшения — двадцатипроцентные скидки, возле витрин толпы народа, у кассы — настоящая толчея. Попихавшись среди покупателей, мы, раскрасневшиеся, вывалились на свежий воздух без единой покупки. Узнав о скидках, мама потащила меня в следующий бутик, подвернувшийся на пути. На дверях небольшого магазинчика с одеждой висел огромный жёлтый плакат, гласивший: «Скидки 50%».

— Ань, давай заскочим. Только гляну на новые модели, да на то, что устарело, и двинем дальше, — заверила меня мама и, не дожидаясь ответа, скользнула внутрь.

Я, запыхтев от недовольства, шагнула следом. Времени у нас было вагон, и на что-то его всё равно пришлось бы потратить.

25 мая 2001 г., 15:40

В следующий магазин мы ввалились уже с ворохом пакетов. Я рухнула на кушетку у входа. Мама, скользнув по мне беглым взглядом, растворилась в царстве платьев, блузок, кофточек и юбок. Продавщица предложила мне чаю — я вежливо отказалась. Ноги гудели, хотелось лишь расплыться на диване в спасительной прохладе кондиционера. Коротать время здесь было куда лучше, чем в душной и тесной мастерской.

На круглом циферблате, висевшем на стене, стрелки замерли на четырёх.

— Мам, четыре, — подала я голос, кивнув на часы. — Нам пора. К тому же я порядком устала от твоего «мельком гляну».

— Пойдём, конечно. Но думаю, он не сделал. Не успел, — отозвалась она, вынося из примерочной груду одежды и сунув её продавщице. — Не подошло, — бросила коротко и направилась к выходу, подхватывая на ходу пакеты с покупками. — Думаешь, я не понимаю, почему мы уже целый час кружим по магазинам в этом направлении? — объявила она подчёркнуто холодно, выходя на улицу. — Вот поторопишь его — он состряпает кое-как. А потом будем ходить к нему и сто раз переделывать. И чего ты вцепилась в этот крест? Завтра бы забрали… Не понимаю, чего упираться, если ценности в нём ноль. Теперь мотаемся туда-сюда, ноги топчем. И вообще, мы с папой хотели девочкам золотые крестики подарить, а не эту латунь. Осторожно, Аня, плитка!

— Ой, держи меня, мама! — вскрикнула я, роняя сумку на землю.

Растопырив руки, я как канатоходец забалансировала на качающейся плитке, пытаясь удержать равновесие. Внезапно распахнувшаяся дверь с размаху ударила меня в живот, отбросив к стене. От острой боли я присела.

— Я же говорила, что он прохвост! — кричала в трубку рыжая женщина. — Точно тебе говорю — вес меньше, на грамм как минимум. Подожди… Кажется, я девушку дверью задела. — Рыжеволосая подскочила ко мне. — Извините, я вас не заметила. Дверь вроде легонько толкнула.

Женщина потянула меня за руку вверх, но боль в животе снова согнула пополам, не давая выпрямиться. Я безвольным крюком повисла на руках двух женщин, поднимавших меня с крыльца. По ногам побежала вода — прямо в туфли.

— Мам, мне надо в больницу… что-то не так… Внизу всё мокро. Воды, наверное, отошли.

— Извините, я вас не заметила. У меня тут муж на машине. Мы вас подбросим до роддома.

Боль снова резанула живот. Я сжалась в комок.

— Мама, иди, забери крестики. Они мне нужны. Иди скорее, — выпалила я в отчаянии.

— Я не могу оставить тебя в таком состоянии.

— Я никуда не денусь, — выдавила я из себя.

Очередной приступ боли вызвал короткий паралич. Говорить я не могла — хватала ртом воздух, как рыба, стараясь не заорать во всё горло. Чьи-то мужские руки подхватили меня и с силой втолкнули в автомобиль.

25 мая 2001 г., 15:50

— Анечка, ну как ты? Уже подъезжаем. Потерпи ещё немного.

— Мама, ты забрала крестики? — отдышавшись, спросила я.

— Когда? Машину подогнали прямо на тротуар, тебя сунули в салон, у меня куча пакетов — я туда же заскочила, — в подтверждение своих слов женщина принялась перекладывать вещи из одного пакета в два других, уменьшая их количество.

— Нужно вернуться. Мне уже лучше.

— Куда? Мы подъехали к больнице. Я заберу их вечером или завтра утром.

— Они могут потеряться, — голос мой дрожал, как струна, готовая лопнуть. — Их нужно забрать сейчас… Мама, дай мне телефон… мне надо позвонить Игорю.

Боль ударила в живот — будто кто-то вонзил в меня оголённый провод под высоким напряжением. Разряд за разрядом. Что-то слишком часто. Я закусила губу до белизны и замычала, глухо, сдавленно. На миг отпустило, потом прихватило с ещё большей силой.

— Мама, набирай Игоря, — выдавила я сквозь стиснутые зубы.

— Да, да, сейчас, — перепугавшись, проговорила она, нажимая на кнопки телефона.

— Алло, Игорь. У меня, кажется, воды отошли и схватки начались… Приезжай. Да, раньше срока, но теперь уже ничего не поделать … Приезжай в четырнадцатую больницу, на Волгоградскую. Ты мне нужен. Пожалуйста, побыстрее.

25 мая 2001 г., 16:30

Пока не было схваток, я выглядела вполне дееспособным человеком — могла передвигаться сама, держась прямо. Без посторонней помощи, лишь под присмотром медсестры, я вышла в больничный коридор.

— Привет, дорогой. Всё началось так некстати… У меня к тебе огромная просьба: возьми у мамы квитанцию и забери заказ. Это недалеко от нас, адрес на бумажке. Я отдала в мастерскую переделывать свой крестик — тот, что носила на цепочке… помнишь? Из него должны были сделать два — для наших девочек. Я не успела их забрать. Этот крест непростой… это крест, — я запнулась, обернувшись к медсестре, что ждала у дверей, — …в общем, человека из моих видений. Ты помнишь его. Он сам указал мне место, где его найти. И я нашла. Прости, что не рассказала раньше. Всё собиралась, всё подбирала слова… В общем, крест защищает того, кто его носит. Он поможет мне при родах. Смотри, не перепутай: их теперь должно быть два. Мастер там плутоватый, всё норовит обмануть… если не захочет отдавать — забери силой. Металл креста необычный: камень, из которого его выплавили, прилетел из космоса. Потом расскажу обо всём подробно.

От боли меня скрутило в узел. Я закусила губу до крови, на лбу выступила липкая испарина. Игорь рванул с места, подхватил меня под локоть, с мукой во взгляде следя за моими мучениями, бережно повёл к диванчику, пытаясь усадить.

— Всё, всё, уже легче. Торопись, родной, умоляю. Постой, поцелуй меня, — простонала я, вновь складываясь пополам.

— Всё, роженице пора на осмотр, — объявила медсестра.

— Я люблю тебя, Аня. Я заберу их, если тебе это так важно. Я скоро… Я мигом вернусь.

— Хорошо, жду. Люблю тебя. Знаешь, я благодарна судьбе, что из всех врачей на свете я тогда попала именно к тебе.

Игорь замер на пороге в нерешительности. Я медленно разогнулась и шепнула: «Иди, любимый. Я буду ждать тебя».

25 мая 2001 г., 16:50

— У нас семимесячные, двойня. Схватки участились, начались роды. Хорошо что девочки — головки мелкие, пройдут легче. Со второй, правда, придётся повозиться: сил на двоих редко кому хватает, — обронил доктор и добавил: — На всякий случай отведите роженицу в операционную.

25 мая 2001 г., 17:00

— Мама! Господи, как же больно! — закричала я, блуждая невидящим взглядом по лицам врачей.

— Давай, родная, тужься! Дыши, дыши. Тужься сейчас! Как я говорю, так и делай. Не трать силы попусту. Ножки пошли, ребёнок перевернулся. Так, приготовились… Щипцы давайте — придётся тянуть. Давай, милая, давай, помоги нам!

— Да, да! Я помогу! Я стараюсь! Аааааааааа!!! — снова закричала я, разрывая тишину.

— Тащите! Чего встали! Шлёпайте! Растирайте!

— Нет! Нет! Спасите её! — я рванулась вперёд.

— Лежать! Второй ребёнок идёт!

— Господи, за что? Умоляю, спаси их! Если есть вина на мне, она только моя… Они ни при чём.

Я лихорадочно зашептала молитву. И вдруг крик ребёнка пронзил тишину — резкий, громкий, живой, и в одно мгновение заполнил собой всю комнату, вытеснив весь мой страх.

— Открылось кровотечение… Схватки слабые, едва теплятся… Вторая тоже перевернулась — задохнётся. На стол перекладываем, — скомандовал доктор, и люди в белых халатах засуетились. — Всё, собрались, кесарим. Сергей, подключай её к оборудованию.

— Дайте взглянуть на дочку… Дайте поцеловать… — вырвался из моей груди крик. Я приподнялась, пытаясь увидеть её сквозь пелену слёз.

— Света, чего возишься, ставь укол! Время идёт на минуты! Не дай Бог, вторая задохнётся…

25 мая 2001 г., 17:10

— Господи, помоги… Если выбирать — забери мою жизнь взамен двух, — сквозь слёзы прошептала я.

Игла резко вошла в вену, и я вскрикнула от внезапной боли. Когда она пронзила руку во второй раз, я лишь вздрогнула, затем с огромным облегчением выдохнула. В глазах поплыли огни, мир покачнулся. Я расслабилась, закрыла глаза и прошептала: «Всё будет хорошо».

25 мая 2001 г., 17:12

Проваливаясь в забытьё, я уловила брошенную доктором фразу:

— Скальпель! Готовы? Режу!

— Она не спит! Боль не выдержит, — пролепетал женский голос.

— Вариантов нет! Иначе угробим ребёнка!

Колючее, обжигающее лезвие на миг пронзило живот. Тело, вздрогнув, сжалось в тугой комок, к горлу подкатила тошнота. Я попыталась закричать, чтобы выплеснуть боль наружу, но язык прирос к нёбу, онемел и отяжелел. Руки и ноги превратились в ватные коконы, а боль в животе вспыхнула обжигающим пламенем — яростным, всепожирающим, не знающим пощады. Нервы в затылке, в висках, на шее натянулись стальными тросами, готовыми лопнуть. Сквозь пелену сознания я услышала женский голос:

— Давление падает… Кровотечение возобновилось…

Перестав дышать, я затаила дыхание, боясь, что голова вот-вот взорвётся, — и вдруг сквозь этот нарастающий гул пробился детский крик, а затем у самого уха — ободряющий шёпот:

— Вот и всё! Девочка родилась здоровой, не задохнулась и не нахлебалась.

Скривившись, я попыталась улыбнуться. Радость на миг приглушила боль. Я медленно вдохнула — и в голове завертелась карусель из цветных огней, слепящих и пьянящих. Я словно провалилась в мягкую вату, погружаясь в белый туман, из последних сил цепляясь за крики, доносящиеся издалека:

— Чёрт, кровотечение возобновилось! Света, тампон! Крепче держи! Пережимай артерию! Да пережимай же! Всё, я шью!

Я попыталась открыть глаза — да куда там. Веки, словно налившись свинцом, не поддавались. До меня, будто с другого берега, доносились обрывки фраз:

— Дефибриллятор… Разряд… Ещё… Серёга, качай сердце! Разряд… Качай, Сергей! Давай! Ещё раз! Ещё… Ещё…

Это было последнее слово, которое я смогла разобрать. Меня закружило — словно я сама стала каруселью, несущейся в пустоту. Уши пронзил протяжный писк аппаратуры, а затем сознание схлопнулось, обрушив на меня глухую, всепоглощающую тишину. И время для меня остановилось.

Четырнадцать дней спустя…

— Игорь, пора остановиться и принять потерю. Напиваться каждый день — это не выход. Нам всем непросто — мне, матери, особенно… Хоронить детей — тяжело… Но кто-то должен заботиться о крохах. Мы все теперь в ответе за девочек. Две недели прошло, а имён всё нет. Да и свидетельств о рождении тоже.

Мужчина поднял на неё глаза — чёрные, выжженные горем, словно видел её впервые в жизни.

— Первую назову в честь её матери. Анна. — Голос его был глух, взгляд тут же скользнул к фотографии жены на полке шкафа. — А ту, что родилась второй…

— Игорь, нельзя называть детей в честь погибших, — женщина вздрогнула, голос её сорвался на тонкой ноте.

— Мне всё равно, — в его словах прозвучало отчаяние. — Я не могу жить без этого имени. Я умираю без него.

— Ты можешь потерять и вторую Анну.

— Нет, нет. Анечка… Аня… — он зажмурился, попытался проморгаться. — Господи, почему Ты забрал её? Почему всех, кого я люблю, Ты забираешь? За что мне это? Сколько я ещё выдержу?!

Крупные слёзы покатились по его небритым щекам, оставляя за собой мокрые блестящие дорожки. Женщина прижала платок к лицу — крепко, будто пыталась заткнуть собственный крик, — и, бесшумно выскользнув в коридор, тихо притворила за собой дверь. Игорь не заметил её ухода. Он говорил в пустоту — тихо, надломленно, словно исповедовался стенам:

— Одна будет Аня, а другая — наоборот, Яна. Назову девочек Аня и Яна. Обе — в честь моей Анечки. — Мужчина замолчал и, словно очнувшись, добавил: — Но в честь погибших нельзя…

Он поднялся — тяжело, грузно, — шагнул к шкафу, взял фотографию жены в руки.

— Как же так… — прошептал он, глядя на неё сквозь пелену слёз. — Тогда иначе… Аника и Янина, а коротко — Аня и Яна. Так будет лучше. Но только так, и никак иначе.

Мужчина снова посмотрел на фотографию и прижал к груди так, словно пытался вдохнуть в неё жизнь, вернуть тепло в застывшее на снимке лицо. Скорбя по утрате, он вплёл имя любимой в две новые жизни — упрямо, твёрдо, ни у кого не спрашивая позволения, доверяя лишь собственному сердцу. Он словно бросал вызов самой судьбе, отказываясь отпускать ту, что навсегда осталась в его крови, в каждом вздохе, в имени, которое отныне будет звучать в двух детских голосах — как эхо, как молитва, как нерушимая клятва любви, что сильнее смерти.

Глава 1
Один набор хромосом, а такая разная суть…

— Янина, хватит нежиться, в школу пора. Вставай, не беси меня.

— Ань, ещё пять минут… Всего пять крошечных минуточек.

— Пять минут было пять минут назад. Опоздание наклёвывается… давай, поднимайся. Иначе я с папой уеду, а ты потащишься на автобусе сама. И одна.

— Анька, добрее надо быть к людям и не замечать их маленьких слабостей, если в целом человек хороший, — пробурчала Янка, выбираясь из тёплого плена одеяла.

— Полагаю, это ты о себе?

— А у тебя есть сомнения? Ты всё время пытаешься переделать меня под себя, но ведь и ты не идеал. Тебе, наверное, до чёртиков обидно, что моя стопроцентная внешняя схожесть не набирает и пяти процентов внутреннего родства. Ну всё, добилась своего, разбудила… сон испарился, остался лишь светлым воспоминанием, — натягивая халат, философствовала Янка.

— Ян, я не пытаюсь вылепить из тебя идеал, — подхватила разговор Аника, — хотя поле для деятельности поражает масштабами.

— Ну, до твоего совершенства мне всё равно не дорасти, так что прощай, старание.

— Я же не говорю, что ты — сплошной изъян. Ты самобытная, милая и талантливая. Добавь каплю ответственности — цены тебе не будет.

— Я бесценная — так папа сказал. Хоть один человек меня любит по-настоящему.

— Ну вот, началось… мы все тебя любим. Я, к примеру, люблю тебя, как саму себя, — рассмеялась сестра.

— Ага, учить только можешь… Слушай, Анька, тут идея одна созрела. Вчера вечером еду в трамвае — и бац! Перед глазами объявление: приглашают одарённых детей в центр развития талантов. И название такое незамысловатое — ООО «Талант». Может, сходим, глянем? Ты же почти экстрасенс: вещи двигаешь, ауру видишь.

— Ян, ты тоже ауру видишь и мысли передаёшь — только ленишься. Если честно, я думаю, у тебя другое призвание. Живопись — вот твой истинный дар. Умение выплеснуть идеи на холст, отпустить мысли на бумагу, высказать их без страха и никого при этом не обидеть. Ты не оставляешь людей равнодушными, заставляешь их думать. Разве это не талант? У меня вот такого нет. Я не умею рисовать и, жалея людей, не могу открыто говорить им правду, — Аника присела на край кровати, голос её дрогнул.

— Ой, подумаешь — рисовать! Это каждый может.

— Может, и каждый. А я — нет. Пробовала несколько раз — ничего не выходит.

— Теперь понятно, почему я вечно нахожу краски не на своих местах. Ну-ка, показывай, что там у тебя.

— Мазня одна.

— Ну покажи… Покажи, — заканючила Янка.

Громкий стук в дверь оборвал разговор. Дверь распахнулась, и в комнату вошёл мужчина.

— Ну что, сони, сегодня поедете на общественном транспорте. У меня с утра важная встреча — опоздать на неё дурной тон. Всё, я ушёл. Удачного дня, девочки.

— Ну, пап, мы же уже почти готовы… — подняв бровки домиком, заныла Янка.

— Всё, всё, девчонки, — опаздываю. Сами, сами.

Сёстры подбежали и чмокнули отца в обе щеки.

— Пока, пап. Вот видишь, Анька, зря ты меня разбудила ни свет ни заря. Всё равно трястись в автобусе.

— Зато не опоздаем.

Мужчина махнул на прощание рукой и скрылся за дверью.

— А про объявление ты серьёзно? — вернулась к разговору Аника. — Мы же никому не хотели говорить, что у нас есть способности, вдруг заберут из дома на опыты.

— Ой, Анька, ну ты и зануда! Мы же не подопытные кролики. А про способности я и не собираюсь трепаться, тем более у меня их почти нет. Скажу, что неплохо рисую, и покажу свои картины. Так, прошвырнусь, гляну, что у них там за конторка.

— Ян, нам нужно думать о поступлении в институт, а не заниматься ерундой. И по возрасту ты не подходишь: там же в критериях написано «дети». А ты уже большой ребёнок, очень большой, Ян. Да и картины… они у тебя в основном какие-то мрачноватые. Если уж надумаешь идти, так выбери что-нибудь повеселее, поярче что ли.

— Тебе совсем не нравятся мои рисунки?

— Как раз нравятся, Ян. Очень нравятся. Это я от зависти всё, — смеясь, произнесла Аника. — Ладно, раз уж решила посмотреть, что это за центр, иди и посмотри, но только без меня. Я девушка серьёзная и собираюсь летом поступить в институт.

— Жалко. А то бы ты там произвела фурор: двигала бы предметы взглядом, читала с закрытыми глазами. Они бы оценили твоё искусство врачевать — руками и пением. Твой ангельский голос поднял бы на ноги даже немощных.

Последнюю фразу Янка выдохнула фальцетом, воздев очи к небу.

— Прекрати издеваться. Если у тебя перестала болеть голова, пока я напевала, это ещё не значит, что я могу лечить этим. А что до остального — немного тренировки, и ты тоже так сможешь.

— Ну, вот ты пробовала рисовать — и никак?

— Никак.

— Вот и у меня никак. Ладно, пошли завтракать, потом в школу. Анька, надень, пожалуйста, мою зелёную рубашку. Я сегодня не готова ни к одному уроку — рисовала весь вечер… сама знаешь. Если вдруг вызовут к доске, ответь за меня, пожалуйста…— простонала Янка, и в голосе её зазвенела мольба.

— Зелёную? Только не её! Любую другую. Зелёная — слишком вызывающая. Я надену голубую, с кармашком. Она меня хоть не раздражает. Ян, и прекращай филонить и пользоваться моей добротой. Ты уже взрослый человек.

— Не готова ты к экспериментам, Анька! Нет в тебе огня. Слишком правильная. Голубую так голубую. Она у меня всегда чистая, даже проверять не стоит — мне такое «уныние» на себе трудно носить, — смеясь, отозвалась сестра.

— Или она… или двойка, — подытожила Аника.

— Она, — быстро выбрала Яна.

После школы Янка сразу же направилась в центр — на разведку. Интернет не раскрыл тайн заведения, зато услужливо подкинул адрес.

Здание, оказавшееся перед Яниной, снаружи выглядело обычно. Двухэтажное, кирпичное, чуть вытянутое — чем-то напоминало школу: то же крыльцо, те же ступени, массивная дверь. Всё в разы меньше, но официоз — тот же. Раньше здесь, скорее всего, была музыкальная школа или детский сад. Лишь вывеска с названием над дверью гласила, что здесь гнездятся таланты. Вдоль фасада плотным заборчиком теснились приземистые кусты — то ли барбарис, то ли шиповник, и сквозь листву уже алели ягоды. Янка в ботанике не смыслила, да и ей было всё равно, что именно краснеет на ветках в середине сентября. Она взбежала по ступенькам, толкнула дверь и заглянула внутрь.

— Посторонись, молодёжь!

Девушка отскочила в сторону. Высокий, худощавый мужчина лет шестидесяти вылетел в открытую дверь и быстро зашагал вниз по лестнице. Но вдруг резко развернулся и направился прямо к Янке. Что-то неудержимо тянуло его к этой девочке.

— Вы что-то хотели узнать, юная леди? — спросил он, приглаживая волосы набок. Его моложавое лицо и совершенно седые волосы удивили Янку, но она быстро опомнилась и пролепетала:

— Да, хотела узнать подробности о приёме в центр «Талант». Правда, в следующем году я уже заканчиваю школу, а у вас указан возраст приёма до семнадцати лет. А до семнадцати — это включительно?

Мужчина смотрел на девочку, не в силах понять, что за необъяснимая сила тянет его к ней. В ней чувствовалось что-то до боли родное, щемящее сердце.

— Ну, ничего, что семнадцать… пусть будет включительно. А какие у вас таланты, юная леди? Судя по тубусу — рисунки. Вы художница?

— Угадали. Многие хвалят мои работы.

— Тогда пойдёмте ко мне в кабинет, посмотрим ваши творения. Шагайте смелее, раз пришли!

Мужчина взял девушку под локоть и повёл внутрь здания. В душе Янины вдруг вспыхнули непонятная нежность и тёплая симпатия к этому человеку — и ни тени страха.

— А у вас в центре в основном дети? — спросила она.

— Подростки тоже есть. У нас сформированы две группы: с шести до двенадцати лет и с двенадцати до семнадцати… включительно, — смеясь, ответил мужчина. — Методики разные. А у вас, юная леди, есть ещё таланты, помимо рисования? У нас направления несколько иные. Наши дети умеют то, что другим не под силу.

— А, читают с закрытыми глазами и усилием воли передвигают предметы?

— Ну, как-то так.

— Нет, я этого не умею.

— Или не пробовали?

— Ну, не знаю.

— Постойте, мы уже пять минут разговариваем, а всё ещё не познакомились. Меня зовут Вилен Владимирович.

Мужчина протянул руку.

— А меня — Янина.

Девушка вложила свою маленькую ладошку в широкую ладонь нового знакомого, и дружеское рукопожатие растопило оставшееся смущение.

— У вас необыкновенное имя.

— Ну, у вас — необыкновеннее, — со смехом произнесла девушка, уже не робея перед собеседником.

— Моё имя — это аббревиатура от В.И. Ленин. Отсюда — Вилен. Отец был ярым коммунистом, верил в светлое будущее и начал его строить с имён детей. А вы знаете, кто такой Ленин?

— Конечно. Вождь мирового пролетариата.

— Вождь — это вы точно подметили. Ну вот, мы и пришли. Скажу честно, кабинет не мой, а моего брата Рима Владимировича.

— Думаю, его имя тоже как-то расшифровывается. Вряд ли вашего брата назвали в честь столицы Италии.

— Да, в сообразительности вам не откажешь. РИМ — это Революция И Мир. Как вам?

— Впечатляет. Моё имя тоже со смыслом: в нём спрятана частичка имени мамы. Её звали Анна, Аня — наоборот получается Яна. Вот и вышло Янина.

— Тоже занятная история. Вы говорите о маме в прошедшем времени… Она погибла?

— Заболела. Рецидив с поджелудочной. Я её совсем не помню. Она ушла, когда мы… когда я была совсем крохой.

— Простите, что спросил. Понимаю, тема не из приятных… Ну, проходите.

Мужчина распахнул дверь, пропуская девушку вперёд.

Комната оказалась просторной и залитой светом. На подоконниках стояли горшки с цветами; вдоль стен высились шкафы, за стеклянными дверцами которых — стройные ряды корешков чёрных папок. В золочёных рамках на стенах висели похвальные грамоты, поблёскивая отблесками солнца. У окна расположился массивный стол в форме буквы «Т», окружённый множеством стульев. К нему-то и направился мужчина.

— Повторюсь, это кабинет моего брата. Он здесь всем заправляет, а я так, в гости захаживаю. Но ваши картины могу посмотреть и дать рекомендации. У меня тут, знаете ли, семейные связи, — улыбнувшись, изрёк новый знакомый, мягко опускаясь в кресло.

Янина, замешкавшись, открыла тубус и разложила рисунки на столе. Мужчина долго перебирал их, всматриваясь в каждую линию. Один отложил в сторону. Затем снова пробежал взглядом по оставшимся работам.

— Да, вы талантливая девочка… не ожидал. А не продадите ли мне одну из ваших картин? Она мне очень приглянулась.

Он взял отложенный рисунок. На нём застыл монах с седой бородой, облачённый в длинные белые одежды. Огромные, прозрачно-синие глаза его были полны слёз. Одной рукой он раздавал людям яблоки, лежавшие перед ним, другой — сжимал на груди православный крест. Лицо старца искажали боль и страдание; даже голубое небо, цветущие деревья и пышные растения за спиной не могли смягчить мучительных терзаний, запечатлённых на его лике. Разительный контраст между раем за плечами и мукой на лице монаха придавал картине щемящую трагичность. А реалистично выписанные черты лица притягивали взгляд. Особенно глаза. Казалось, ещё мгновение — и слеза, сорвавшись с белёсой ресницы, покатится по изрытой морщинами щеке старца. Взор застывал на лице старика, не желая упустить этого момента.

На другой половине полотна царила смерть. Люди, различающиеся цветом кожи, толкаясь, теснились возле монаха в ожидании дара. Но, надкусив взятые из рук старца райские плоды, они тут же умирали, образуя страшную груду мёртвых тел. Толпа напирала — и вновь прибывших, шагающих по трупам, ждала та же участь. Гибли люди с красной, жёлтой и чёрной кожей, а люди со светлыми лицами ели яблоки без вреда для себя. Дымка, поднявшаяся над умершими, напоминала Смерть с косой. Она, словно туман, заполняла собой вторую часть картины. Полотно вызывало дрожь. Но Вилен Владимирович смотрел на него, не отрываясь.

— А возьмите её просто так, — выпалила Янина, прерывая молчание.

— Нет, юная леди, я платёжеспособен и хотел бы отблагодарить художника за его труды, — с улыбкой ответил Вилен В.

Дверь распахнулась внезапно, и на пороге возник мужчина совсем иной породы. В отличие от нового знакомого, вошедший оказался низкорослым, плотным брюнетом с едва тронутыми сединой висками.

— О, знакомьтесь, Янина, это мой брат, Рим Владимирович. А это Янина — талантливейшая художница. Отныне я её пылкий поклонник и, по совместительству, покровитель. Рим, взгляни, какие дивные картины пишет это дитя. Какие сложные, глубокие цвета и оттенки, какие смелые идейные решения! Я уже приобрёл одну. Мы ведь заключили сделку, юная леди? — спросил он, с лукавой искрой взглянув на Янину.

— Конечно, я дарю её вам.

Вилен В. достал кошелёк и протянул Яне пятитысячную купюру.

— Нет-нет, это слишком много.

— Берите, берите. Уговор дороже денег. Сделка свершилась, и я уношу ваше творение с собой. Рим, принимай эту талантливую девочку. Тестируй и принимай. А я спешу — опаздываю на встречу. Впрочем, ни капли не жалею: я всё равно остался в выигрыше. Картина и впрямь хороша. Надеюсь, мы ещё не раз увидимся, Янина. До свидания.

Вилен подмигнул девочке и вышел из кабинета, унося картину с собой.

— Да, картины необыкновенные…

Теперь Рим Владимирович бережно перебирал их, всматриваясь в каждую. Янка светилась от счастья: столько лестных слов от посторонних людей она ещё не слышала. К тому же и заработать удалось. В уме она уже прикидывала, куда потратит свой первый гонорар и как похвастается Аньке своим неожиданным везением.

— Ну что, Янина, согласно уставу центра, начнём процедуру приёма?

Яна вздрогнула, возвращаясь из грёз в реальность: она уже мысленно шагала в тех коричневых ковбойских сапогах с кожаной бахромой по бокам — тех самых, что неделю назад присмотрела в витрине бутика напротив магазинчика, где она покупала краски.

— Конечно, — буркнула она, всё ещё теребя купюру в руке, не зная, куда её деть.

— Кладите деньги в карман, они ваши. И заполняйте анкету. Затем — тест, минут на сорок. После теста секретарь выдаст вам медицинский лист со списком специалистов, которых нужно пройти в обязательном порядке. Нагрузки у нас серьёзные, не каждый выдерживает. И только при положительном медицинском заключении и достаточном количестве баллов за тест мы зачислим вас на обучение. Я ясно излагаю? — спросил он, собирая рисунки в аккуратную стопку. — Не передумали, молодая леди?

— Нет, я готова.

Янка сунула купюру в карман, свернула рисунки в тугой рулон и спрятала в тубус. Затем, опустившись за стол, принялась заполнять предложенную анкету.

Глава 2
Есть ли критерии у гениальности…

Жизнь Янины перевернулась. По результатам теста на IQ, где она набрала немыслимые 185 баллов из 190 возможных, её приняли в центр гениев. Медицинская карта сияла безупречностью: стопроцентное зрение, стопроцентный слух, каждый орган работал как часы, а в жилах текла четвёртая группа с положительным резусом. Одним словом — супергёрл.

Старшая группа, куда определили Яну, насчитывала восемнадцать подростков. Большинство из них — жители области, временно переселившиеся в интернат при центре.

Эти дети действительно обладали невероятными способностями. Четверо числились математическими гениями: они перемножали в уме четырёхзначные числа, с лёгкостью щёлкали задачи по теории вероятности и играли в шахматы с закрытыми глазами. Пятеро владели словом в совершенстве — без труда читали и писали справа налево, переставляли в словах любые слоги, а двумя руками одновременно выводили разные тексты, диктуемые разными людьми.

Трое оказались оперными гениями: их диапазон достигал пяти-шести октав, хотя в Книге рекордов Гиннесса на сегодня значился результат в пять октав и один тон. Силой голоса они разбивали стеклянные фужеры, а на высоких нотах слушателям приходилось затыкать уши, чтобы не оглохнуть. Однажды Янка участвовала в подобном эксперименте: стакан разлетелся вдребезги, а у неё на три дня наступила частичная глухота — и это притом, что она с первого звука зажала уши ладонями. С тех пор Янина верила крикунам на слово, не проверяя их силу на деле.

Подгруппа Яны, горстка художников, была самой малочисленной — всего двое: сама Янка и парень по имени Севка. Чтобы хоть как-то закрепиться в центре, Янке пришлось признаться, что она видит ауру людей. Это проверили приборами — способность подтвердили. Янка недоумевала: если учёные знают, что вокруг человека мерцает аура разных цветов, почему они отказываются верить в тех, кто способен её увидеть? Нонсенс, не иначе.

Оставшиеся четверо из восемнадцати были гордостью центра — элита, группа гениев. Глядя на них, Янка понимала: сестра точно была бы среди них. Без сомнения, они были чудолюдьми. Своими способностями они повергали педагогов в ступор. Общение между ними происходило без единого слова. Телефон для них был прошлый век, как и интернет. Их возможности оказались выше современных цифровых технологий. Если вопрос ставил их в тупик, они на миг замирали, мгновенно покидали тело и, скользя во времени, узнавали ответ на что угодно. Труднее всего им давались путешествия в будущее; в прошлом же они чувствовали себя как рыба в воде.

Те, кто входил в четвёрку, были подлинными феноменами: двигали предметы силой мысли, читали с закрытыми глазами, а в минуты озарения видели будущее. Были и издержки: спали они по десять-двенадцать часов, ели много и без зазрения совести высасывали энергию у соседа по парте. Если их уличали в этой манипуляции, они каялись, клятвенно обещая, что в следующий раз непременно настроятся на энергию космоса.

Янке нравилась её новая компания. Взаимопонимание, незримая, но прочная связь, искренность, щедрость в обмене способностями — всё это наполняло её счастьем. Она наконец оказалась в своей стихии. Обычная школа с её затхлыми догмами вызывала у Янки глухое раздражение. Одноклассники — с их ограниченностью, рабской привязанностью к материальному, пошлостью и вседозволенностью — внушали ей отвращение. Она недоумевала: как раньше не видела всего этого?

Выделяясь талантом среди обыкновенных людей, Янка не замечала, что застряла в развитии. Она сокрушалась о времени, потерянном на самолюбование. Собственные картины казались ей теперь плоскими, безжизненными, особенно рядом с работами Севки. В них жила мощь, сила, игра красок. Яблоко, написанное им, так и тянуло взять с холста. А луна в облаках? Она дышала подлинностью. Светотени двигали её по бумаге, рождая живую, трепетную реальность — ту, которой так отчаянно не хватало работам Янины.

Изменения в Янке были мучительными. Она замкнулась, осунулась, словно сжалась под тяжестью собственной критики. Беспощадно рвала рисунки, что не угодили её внутреннему судье, и создавала заново — уже не рукой, а сердцем. Теперь каждая картина дышала историей: у героев появлялись имена, бились характеры, в линиях проступали глубинные переживания. Яна творила. Она больше не копировала увиденное — она рождала миры.

Аника не узнавала сестру. Из сони и нытика Яна превращалась в собранную, жадную до роста натуру. Чужие победы били в неё, как ток, толкали локомотивом вперёд. Прозябать посредственностью среди сильных было не в её крови. Она менялась на глазах, и каждый новый день сдирал с неё старую кожу. Спустя месяц непрерывных тренировок Яна уже могла общаться с сестрой телепатически. Плохо, сбивчиво, но связь установилась.

В своих работах Яна всё смелее играла с цветом. Теперь цвет в её картинах нёс смысл — жил, дышал, значил. Это её так захватило, что она создала свою шкалу ауры человека, где каждому оттенку соответствовало своё качество, своя глубина. Она ушла в мир цвета с головой и утянула за собой сначала Севку, а следом и Анику. Чтобы запомнить палитру человеческой натуры, они использовали детскую считалку: «Каждый Охотник Желает Знать, Где Сидит Фазан». Красный — первый, с самой длинной волной — кричал об инстинктах, о земном, о начале начал. Фиолетовый, самый короткий и тихий, говорил о высшей духовности. Перебрав немало оттенков, ребята сложили свою таблицу, создавая связь между цветом и душой.

Красный (оттенок багрянца в ауре) — символ силы, энергии, лидерства, скрытого сексуального потенциала и агрессии. Чем гуще и темнее бордовый, тем яростнее натура. Если человек был словно закован в багровый кокон, единственным его стремлением в тот миг становилось уничтожение предмета ненависти. Мутные, грязные тона красного выдавали гнев и коварство, нежные розовые — любовь и романтику, алые — гордость и эгоизм.

Оранжевый — пульсирующий цвет активности, уверенности, полноты жизни.

Жёлтый — тепло дружелюбия, свет оптимизма, искра творчества. Но жёлтый, тронутый коричневой тенью, оборачивался ленью.

Зелёный — добросердечие, чуткость, забота, любовь к человечеству, честность и открытость. Однако грязный, мутно-зелёный с коричневатым отливом указывал на зависть, ревность, ложь, измену.

Голубой — миролюбие, мягкость, устремлённость к развитию и преданность высоким идеалам. Бледно-голубой отдавал неуверенностью, тогда как глубокий, тёмно-голубой, напротив, дышал непоколебимой твёрдостью.

Синий, цвет индиго, был дыханием вдохновения, безбрежностью воображения, жаждой самопознания. В нём же скрывалась и невозможность контроля извне.

Фиолетовый отражал мудрость, духовность, бесконечное стремление к совершенству.

Примеси чёрного в ауре выдавали присутствие злобы, жестокости, разрушительной энергии.

А бело-серебристый цвет указывал на сияние святости.

Первоначальная таблица, составленная ребятами, была скромной и компактной, но со временем она разрасталась, обогащаясь новыми оттенками, то и дело попадавшимися им на глаза. Теперь молодые люди с первого взгляда читали внутреннюю суть каждого встречного. Удивительно и то, что дождливая погода перестала казаться Анике мрачной, если рядом были Яна и Севка. Розовый свет над их головами окрашивал серость, преображал всё вокруг, делая

мир светлее и веселее. Они не говорили о любви — они видели её. И никакого обмана не существовало. Ауры влюблённых гармонично переплетались: Янкина — голубая с розовыми вкраплениями — сливалась с Севкиной — синей, озарённой розовым сиянием на макушке. Они были идеальной парой. Аура Аники в корне отличалась и от ауры сестры, как, впрочем, и от ауры Севки. Она горела зелёным огнём вокруг тела и головы, завершаясь синей пирамидкой над макушкой. Девушки, столь внешне похожие, таили в себе разные философии, которые мало кто мог разглядеть, если не был знаком с ними лично.

После недолгих тренировок ребята научились видеть ауру без малейших усилий. Верхняя одежда и головные уборы перестали быть преградой — взгляд проникал сквозь них, как сквозь воду. Общение с людьми обрело иное измерение. По цвету, струящемуся от тела и головы человека, проступал смысл его жизни, а вместе с ним — полезность и необходимость каждой минуты, потраченной на него.

Внутренние перемены, зревшие в сёстрах, преображали и их нынешнюю жизнь. Особенно разительно менялась жизнь Янины. Она вовсе перестала встречаться со школьными друзьями, пропускала занятия, уходила в себя, целиком растворяясь в рисунке. Такое отчуждение печалило Анику. Она пыталась вразумить сестру, но все усилия оказались тщетны. Янина изменилась — и теперь меняла мир вокруг себя. От прежней жизни она оставила лишь узкий круг тех, кто был рядом. Близкие люди нравились ей. Видя оттенки их аур, она прочитывала их сущность: отец — жёлто-зелёный (честный бизнесмен); бабушка — зелёный с фиолетовым (совершенная любовь к человечеству); Аника — зелёный с синим (святая доброта); директор центра излучал оранжево-жёлтый (активный предприниматель); его брат Вилен Владимирович сиял красно-синим (лидер с интеллектом); все учителя в центре мерцали зелёным, а ученики — в основном синим. Этот мир красок пленял Янину.

Осень пролетала незаметно, как один день. Яна погрузилась в мир цвета душ — бездонный, пульсирующий, живой. Она научилась различать тончайшие переливы ауры, улавливать полутона характера, скрытые от обычного глаза. Каждый человек теперь читался как раскрытая книга — и правда о нём проступала сквозь любую маску притворства.

Но был один цвет, что ускользал от её внимания, словно призрак, — бело-серебристый. Он стал наваждением, которое она не могла ухватить. Святой… Бывает ли он на свете? Яна искала его в людных местах, в сборищах необычных людей, надеясь однажды увидеть этот свет и подарить его миру на холсте. Она заметила: люди невольно стягиваются друг к другу, повинуясь оттенкам своих душ. В больницах царил зелёный цвет — цвет надежды и боли; в церквах струился фиолетовый — молитвенный и терпкий; в лабораториях густел синий — холодный и ясный; в администрации и городской думе полыхал красный — жаркий и тяжёлый; в опере переливался голубой — сценичный и лёгкий; в школах светился жёлтый — детский, доверчивый. Однажды она пришла к знахарке, старухе-целительнице по газетному объявлению, и её аура окутала девочку невиданным лиловым цветом — таким, который она раньше не встречала.

Чем глубже Яна погружалась в тайну человеческих аур, тем живописнее становились её картины. Она отдавалась процессу целиком. Цветом одежды, отливом волос, мерцанием глаз она пыталась передать суть человека, а не его оболочку. Её работы были созданы для немногих — лишь те, кто умел видеть душу сквозь краски, могли разгадать, что на полотне написана не внешность, а истина героя.

Аника пыталась вызволить сестру из плена её собственных грёз, вернуть в осязаемый, шумный мир земной обыденности. Осенние каникулы закончились, началась учёба, и этот год для девочек был выпускным — в конце их ожидал ЕГЭ. Но Янина, утонувшая в водовороте своих идей, будто позабыла о существовании учебников. Она перестала учиться совсем. И Анике приходилось выкручиваться за двоих. Домашние работы в своих тетрадях она выводила левой, ведущей рукой, а в Янкиных — правой, подражая почерку сестры. Аника верила: стоит

только сестре найти человека с серебристой аурой, как та очнётся, вернётся в реальную жизнь и продолжит обучение. А пока — нужно немного потерпеть, помочь ей не свалиться в когорту двоечников. Но дни текли, сменяя друг друга, а в жизни всё оставалось по-прежнему: Янина витала в облаках, а Аника продолжала учиться за двоих.

Глава 3
Восемь минут — и жизнь перевернулась

В новогоднюю ночь отец подарил девочкам по айфону — правда, не последней модели, явившейся миру в сентябре 2017-го, а той, что вышла годом раньше.

— Ой, папочка, какая красота! — взвизгнула Янка, бросаясь ему на шею и осыпая щеки быстрыми, жаркими поцелуями. — Они же бешеных денег стоят! У нас в классе айфон только у Федьки Рыкова — ему отец на восемнадцатилетие подарил. А тут сразу два! Ань, прикинь, мы теперь тоже продвинутые пользователи! — воскликнула девушка и, сунув вторую коробку сестре в руки, плюхнулась на диван, торопливо срывая плёнку с подарка.

— Пап, спасибо, — выдохнула Аника, подошла и, чмокнув отца в щёку, замерла на миг. — Но зачем было так тратиться? У нас же телефоны рабочие, со старыми ещё походили бы.

Она опустилась рядом с сестрой и принялась распечатывать коробку — любопытство брало верх: хотелось увидеть, а затем и подержать в ладонях одно из последних чудес человеческой мысли. И не беда, что сёстры уже в совершенстве владели телепатической связью, и к тому времени они мысленно обменивались живыми картинками — движущимися, звучащими, пронизанными переживаниями передающего. Быстро разобравшись в функциях айфона и переговорив друг с другом из разных комнат, девушки успокоились: ничего нового — телефон как телефон.

Телепатическое общение было в сотни раз живее и глубже: те ощущения, что рождались при нём, не шли ни в какое сравнение с плоским, бездушным голосом в телефонной трубке. Правда, чтобы овладеть искусством передачи информации на расстоянии, приходилось изнурять себя тренировками — но игра стоила свеч. Поначалу Янина считала телепатию пустой тратой сил, если под рукой всегда находился телефон, но теперь она сама становилась инициатором такой связи. Особенно ей нравилось пользоваться этим даром во время контрольных и школьных олимпиад.

Однако развитие в одном оборачивалось застоем в другом. Если новшества никак не сказывались на жизни Аники, то с Яниной всё складывалось иначе. Полностью выпав из учебного процесса, она напрочь забросила учёбу, без тени смущения усевшись на шею сестре, которая по доброте душевной продолжала тащить её к аттестату с одними пятёрками. Стоило Янку вызвать к доске — и Аника молниеносно посылала сестре правильные ответы, а та, словно живая антенна, просто озвучивала их. Контрольные не были исключением. Янка выбирала в классе место с вариантом Аники и, не задумываясь, записывала продиктованные решения в тетрадь, — в итоге их работы выходили как под копирку и неизменно на «отлично».

Янина целиком и без остатка ушла в рисование. В её жизни остались лишь кисти, холсты и тот невидимый мир, что рождался у неё под пальцами. Вторую неделю она билась над сюжетом картины: он вспыхивал в сознании отдельными кусками, мучил, не отпускал, но никак не давался в руки. Девушка говорила загадками, пряча за непонятными фразами то, что зрело внутри.

— Анька, у меня возникла тут одна идея. Сидит в голове — ну просто не вытравить. Хочу перенести её на бумагу. Только вот как — ума не приложу…

— Выкладывай суть. Помогу чем смогу.

— Нет. Сама хочу. Потом покажу вам с Севкой. Хочу удивить. Он тоже что-то там мастерит, говорит — сюрприз для меня.

— Янка, счастливая ты! И парень есть, и дело по душе. А я закисла. Всё однообразно, серо. Вот сдам экзамены, поступлю в медицинский — тогда и начнётся жизнь.

— Свой доктор в доме — это хорошо, — усмехнулась Яна и, вдруг остановив взгляд на сестре, спросила в упор: — А ты правда хочешь лечить людей? Видеть, как они стонут изнутри? Понимать, что их муки — не просто боль, а очищение? Что страдания даны им свыше, чтобы сбросить груз пороков и наконец услышать собственное сердце? Сможешь ли ты, исцелив тело, уберечь их от прежних ошибок?

Аника замерла, поражённая. Сестра была права, и от её слов становилось не по себе. Боль переворачивает душу, выворачивает её наизнанку — и заставляет смотреть на одно и то же иначе.

— А что, если Бог дарует исцеление, видя, что человек в глубине души раскаялся и исправился? — с робкой надеждой в голосе отозвалась Аника.

— Может быть. Я не исключаю такой возможности. Тем более после общения с тобой они уж точно встанут на путь исправления, — с лёгкой усмешкой подытожила Янина. — Предлагаю лечить детей: с ними проще, да и шансов вернуть обществу психически здоровую личность гораздо больше.

— Может, ты и права, — пробормотала Аника, всё ещё поражённая словами сестры. Намереваясь помогать людям, она как-то не задумывалась, что её помощь может оказаться для неё самой непосильной ношей. Ведь она, как и Янина, избегала общения со многими людьми, видя их истинную внутреннюю суть. — Значит, чтобы стать беспристрастной, мне сначала нужно будет «развидеть» ауру и превратиться в обыкновенного человека…

— Вот-вот. Сможешь? — подтвердила Янина.

Аника, словно подкошенная, опустилась на кровать, изумлённо глядя на сестру: такие мысли не приходили ей в голову. Действительно, сможет ли она лечить людей? Взрослых точно нет, а детей — сможет.

— Ты права. Пожалуй, смогу лечить только детей. Там меньше притворства, больше внутренней чистоты.

— Умница. Хотя и там тебе придётся несладко. Видя ауру родителей, ты будешь знать, что ждёт твоего маленького, беззащитного пациента. Но, как говорится, поживём — увидим.

— Да, да. Поживём — увидим, — эхом отозвалась Аника. — Но я всё-таки попробую…

Из кухни донёсся голос бабушки, мягко прервавший разговор.

— Девоньки, пора ужинать! Папа будет поздно, так что трапезничаем женским коллективом.

Аромат запечённой курицы проник в комнату, заставив сглатывать слюну, которая сладко скапливалась на языке.

— Наверное, ужинает с тётей Альбиной, — беззаботно бросила Янка, меняя тему.

— Странные… прячутся от нас… Давно бы уже поженились, — радостно подхватила Аника. — Бабушка говорит, что долгая холостяцкая жизнь приводит к устойчивой привычке жить в одиночестве. Вот папа и не торопится. Сильно он, видимо, маму любил, — добавила она задумчиво.

— Это точно. У нас с Севкой тоже любовь до гроба.

— Да брось, до гроба… Пойдём лучше есть — запах стоит обалденный…

Айфон забулькал узнаваемым рингтоном.

— Иди… Я сейчас отвечу и догоню, — выпалила Янина, хватая трубку.

— Долго не говори, — отозвалась сестра и скрылась за дверью.

Минуты через три из коридора донеслись шорохи и звонкий девичий голос:

— Ба, я быстро, начинайте без меня.

В прихожей хлопнула дверь. Аника, жуя на бегу, выскочила в коридор. Пуховика Янины на крючке не было. Выглянув на лестничную клетку, она услышала, как загудел лифт и, поскрипывая, пополз вниз. Вернувшись в комнату, Аника ахнула: картины, над которой сестра корпела последние две недели, укрывая от чужих глаз простынёй, на месте не было. Исчез и тубус

для чертежей. Зато телефон преспокойно лежал на столе, рядом с варежками. Пролистав журнал вызовов, девушка поняла: звонили из центра. Мысленно она отправила сестре короткое: «Ты куда?» Ответ прилетел мгновенно: «В центр. Скоро буду. Вернусь — всё расскажу. Конец связи».

— Ба, не волнуйся! Янка в центр понеслась, картину новую показывать, — крикнула Аника. — Сказала, что быстро — туда и обратно. Только телефон, клуша, дома позабыла. Ждать не будем, а то курица превратится в застывший холодец, — проговорила Аника, усаживаясь за стол.

— Вот куда оглашенная на ночь глядя, а? На улице — стынь и темень хоть глаз выколи. Кто там в восемь вечера сидит и дожидается её? — сокрушалась бабушка.

— У них же интернат, там всегда кто-то есть из учителей или воспитателей.

Внезапно, словно молния средь ясного неба, в голове Аники вспыхнула фраза и подбросила её на стуле: «Он бежит за мной. Аня, помоги!» Выскочив в прихожую и набросив на лету шубу, шапку, сапоги, Аника метнулась на лестничную клетку.

— Аня, ты-то куда нагишом?

— Ба, дай телефон, он на столе! — крикнула девушка. — Ба, скорей!

Аника мысленно посылала сестре вопрос за вопросом: «Где ты? Я иду. Яна, где ты?» Но сестра молчала, не отзывалась. Разбив весь путь на три отрезка — путь от дома до автобуса, сама поездка и дорога от автобуса до центра, — девушка, опираясь на время и ту страшную фразу «он бежит за мной», мгновенно поняла: нападение случилось до посадки. Расстояние небольшое: пройти двором, обогнуть школу и выйти к остановке. Её надо искать возле школы. А если это похищение?

Аника вылетела из подъезда — и сразу, не сбавляя шага, рванула к школе. Искать во дворе было бесполезно, время утекало сквозь пальцы. Мороз обжёг колени, жадно заполз под шубу, пробрался к коже. Домашние бриджи оказались жалкой преградой для минус двадцати восьми.

Добежав до остановки и никого не найдя, Аня развернулась и решительно двинула обратно. До нападения — минут восемь, от силы, десять. Ровно столько, сколько занимает путь от дома до этой проклятой остановки.

Вернувшись к школе, она встала на перекрёстке двух пешеходных дорожек, закрыла глаза и приказала себе сосредоточиться. В памяти всплыла картинка — последняя, что видела Янина.

— Девушка, постойте. Не подскажете, где здесь дом номер пятнадцать?

Аура — бордово-красная, плотный кокон. Лица не разглядеть: капюшон надвинут на самые глаза, черты размыты.

— Нет.

Поворот. Дорожка. Ноги, несущиеся вперёд. В голове стон: «Аня, помоги».

Резкий звонок разорвал видение. Бабушка. Девушка смотрела на пульсирующий экран и молчала. Сказать было нечего. Сбросив вызов, она сунула айфон в карман и попыталась снова поймать нить разговора с сестрой. Тщетно. Последнее, что осталось в памяти, — она бежала. Куда?

Аника медленно обвела взглядом пространство.

— К школе… Я бы побежала туда.

До школы — рукой подать, метров пятьдесят. Девушка стремительно зашагала к крыльцу, где ослепительно сиял фонарь. Шагов через тридцать в снегу проступили следы схватки и широкая борозда, уходящая в сугроб. Кого-то или что-то волокли в сторону кустов. Провалившись в снег по голенища сапог, обдирая руки в кровь, она рванула сквозь колючий кустарник к тёмному пятну на заснеженном газоне.

Янина лежала на земле, раскинув руки, — без шапки, дублёнка распахнута. Она находилась без сознания. Положив голову сестры на колени, Аника стала шлёпать её по щекам, стараясь привести в чувство. Ледяные пряди, облепившие лицо, выдавали её дыхание. Но, ощутив липкую влагу на ладонях и разглядев рану на голове, Аника набрала 03.

«Скорая» примчалась быстро.

А затем — больница. Белый халат. Тесный диван в коридоре. Напротив — дверь с табличкой: «Операционная». Стремительно приближающиеся мужчина и женщина в белых халатах.

— Папа!

Аника вскочила, бросилась на шею к отцу.

— Аня, что случилось? Что с Яной?

— Не знаю точно. Она быстро собралась и убежала в центр — наверное, новую картину показывать… Мы как раз ужинали… Я будто сердцем чуяла беду — побежала искать… Нашла у школы, вызвала скорую… Её оперируют, голова пробита… Пап, сходи, узнай, как она, а?

Девушка торопливо выпалила всё, что знала сама, впиваясь в отца умоляющим взглядом.

— Да, да. Тётя Альбина побудет с тобой, а я сейчас всё выясню.

Мужчина твёрдым шагом направился к кабинету главврача.

— Здравствуй, Аника… Мне очень жаль, что так вышло, — едва слышно проговорила женщина, приобнимая девушку.

— Да, да… Здравствуйте, тётя Альбина. Мне нужно было пойти с ней… Почему она не взяла меня?

Аника уставилась в пол, сдерживая слёзы, готовые прорваться наружу. Женщина прижала её к себе, гладя по спине мягкими, успокаивающими движениями.

— Всё будет хорошо, — произнесла она тихо, но твёрдо. — Всё будет хорошо. Надо просто верить.

Операция по устранению гематомы завершилась без осложнений. Янину погрузили в медикаментозный сон, однако спустя пять суток после нормализации состояния ни одна из попыток вернуть её к сознанию не увенчалась успехом. Хрупкое тело девушки оставалось недвижимым на койке, окружённое множеством проводов, которые питали её, дышали за неё, дарили едва теплящуюся надежду на исцеление. Оставалось только ждать и верить, что организм сам победит болезнь и сумеет восстановить угасшие функции мозга.

Не зная, чем помочь, Аника, следуя совету врача, каждый день говорила с сестрой — читала вслух учебники, пересказывала школьные новости, будто пытаясь пробиться сквозь невидимую стену. Она не оставляла попыток наладить и телепатическую связь с Яниной. Доктор уверял: её мозг жив и функционирует, но контакт никак не давался. Каждый вечер, лёжа в кровати, Аника в отчаянии посылала сигналы Яне, но в сознании всплывал лишь густой бордово-красный цвет да очертания незнакомой картины. И с каждым разом контуры проступали всё отчётливее и отчётливее, наполняясь яркими пятнами цвета. Анике казалось, что она видит ту последнюю работу, над которой сестра билась так долго и которая бесследно исчезла в день нападения. Девушка корила себя за то, что здоровое любопытство не пересилило — и она ни разу не приподняла простыню, чтобы взглянуть на творение сестры. Сделай она это раньше, то не мучилась бы сейчас догадками: точно ли перед ней всплывает последняя работа Янины?

Но в тот злосчастный день похитили не только картину — исчез и крестик на цепочке. Мамин крестик. Для сестёр он стал частицей её души, и потерять его значило потерять часть себя. Словно незримый страж, он хранил их, соединяя той абсолютной любовью, что не знает границ. Однажды, желая скрепить свой союз навеки, они выгравировали на обратной стороне начальные буквы имён — «А» и «Я» — и обменялись крестиками. Аника перевернула свой и под пальцами нащупала заветную букву «Я». Янина. Слёзы хлынули сами собой и крупными, горячими каплями покатились по щекам.

— Яна, вернись… пожалуйста, вернись. Мне так плохо одной… Я столько нового хочу тебе рассказать. Если ты слышишь меня — ну постарайся… помоги мне хотя бы чуточку…

Этой ночью картина, что последнее время преследовала Анику во снах, наконец сложилась из рваных обрывков в единое целое.

На полотне — футбольное поле. В самом центре, вместо мяча, — огромное яблоко, рассечённое на четыре доли. Три из них тронула гниль. Они разлагались, теряя форму, и источали бордово-красный цвет — тот самый, что видела Янина перед нападением. Картина будто кричала: «Берегись».

Аника закрыла глаза, перебирая в памяти каждую деталь, пытаясь разгадать послание сестры. Вдруг это ключ? Над четвёртой, нетронутой, частью яблока сиял бело-серебристый свет — тот самый божественный оттенок, который Янина искала так долго. Значит, она нашла его. Или придумала.

Если мысленно разбить картину на четыре части, поделив пополам вдоль и поперёк, то яблоко находилось в центре, а вокруг него разворачивались четыре истории, четыре разные эпохи, застывшие в красках.

В правом верхнем углу была изображена охота на мамонта. Действие происходило в доисторические времена, и мужчины, закутанные в звериные шкуры, с оскалами диких зверей на лицах, яростно забивали животное камнями. Рядом женщины и дети, забрызганные алой кровью, с хищным блеском в глазах впивались взглядом в это жестокое пиршество. Мужчины убивали, чтобы выжить; женщины и дети ликовали в предвкушении сытости, видя в поверженном гиганте лишь пищу. В этом сюжете буйствовало море крови.

Ниже, под сценой убийства простирался иной мир: женщины самодельными палками с металлическими наконечниками выкапывали из земли коренья; рядом мужчины, вооружившись топорами, возводили стены хижин. Люди были облачены в грубо сшитые одежды, а вокруг паслись приручённые козы и лошади. Здесь не чувствовалось насилия — лишь зелень травы и белизна облаков, мирная идиллия, дышащая покоем.

Напротив бело-зелёной гармонии, слева, разворачивалась третья история: конное шествие с обозами, нагруженными награбленным добром. Всадники хлестали кнутами пленников, чьи лохмотья запеклись кровавой коркой. Обессиленные падали, многие уже не вставали. Тех, кто не поднимался, конвойные добивали копьями; сапоги и руки убийц были омыты человеческой кровью. Сюжет не из приятных. Помимо алого, здесь царил тяжелый, густой багрец — тёмные сгустки боли.

Наверху, там, где здоровая половина яблока источала серебристое сияние, восседали мужчины и женщины в белоснежных одеяниях, с книгами в руках. Вокруг них, словно мотыльки на свет, вились смеющиеся дети. Люди были светловолосы, их лица озаряли улыбки. Картина дышала палитрой голубого, зелёного и белого — словно дыханием рая.

Аника сосредоточенно всматривалась в лица. Всех их что-то объединяло и в то же время разделяло с теми, кто сиял. Да, да — цвет глаз. У сияющих — небесная голубизна, у остальных — тлеющие угли с тёмно-багровыми зрачками. Аура человека на картине отражалась в его глазах.

Теперь Аника не сомневалась: это послание Янины. Сестра что-то знала или предвидела и зашифровала свои предчувствия в картине. Вот почему полотно похитили. Это не случайность — спланированное нападение. Последний звонок в журнале входящих был принят из центра «Талант». Звонили со стационарного телефона — определить, кто набирал номер, почти невозможно. Ясно одно: Яна понесла картину кому-то в центр. И надо начинать оттуда. Это единственная зацепка — и наиболее вероятный организатор нападения.

Аника понимала: ей необходимо проникнуть в центр, чтобы выяснить, кто стоял за всем этим. Но как? Её план оказался до обидного прост — она вернётся туда под именем Янины. Но для этого требовался соратник, сообщник, и Аника позвонила Севе.

Изложив Севке замысел и заручившись его поддержкой, она на следующий же день вернулась в центр уже как Янина. То, что Аника была амбидекстром — человеком, одинаково владеющим обеими руками, — сослужило ей добрую службу: надев гипс на правую руку и ссылаясь на перелом, она могла не рисовать некоторое время, а левой свободно выполнять все необходимые действия. Заклеив пластырем часть головы, Аника разыгрывала потерю памяти: её представления о центре, расположении учебных комнат и даже имена учеников действительно были смутны, обрывочны и в основном опирались лишь на рассказы Янины.

Севка вызвался помочь девушке, предложив оставаться для всех её парнем. Лучшего прикрытия было не найти. Внешнее сходство упрощало возвращение. Тревожило одно — цвет ауры выдавал её, но изменить его было невозможно. В учебном центре ауру видели Севка и ещё четверо вундеркиндов, и перемену оттенка с голубого на зелёный можно было списать на частичную амнезию, придуманную молодыми людьми, и долгое лечение медикаментами. Исключать подобное никто бы не стал, ибо доказать обратное не позволяли отсутствие подобного опыта и неординарность самой ситуации.

О существовании сестры-двойняшки, кроме Севки, не ведала ни единая душа, а потому никто и не ждал подвоха. Сделав на это ставку, Аника — отныне Янина — переступила порог центра. Ей предстояло выяснить, кому понадобилась картина, и, что ещё важнее, — крестик. Похоже, эта вещица представляла ценность для кого-то ещё. Дорогие часы на руке не тронули, серьги не сорвали — зато крестик целенаправленно искали под одеждой. Возможно, нападавшего спугнули, и он не успел забрать всё, но сорвать часы с руки было проще всего. А раз искали крестик, значит, забрали его намеренно. Останься он на Янине, всё могло бы обернуться иначе, и последствия не стали бы столь удручающими.

Глава 4
Четвёрка… Зацепка или совпадение…

После случившегося Анику в образе Янины в центре развития встретили с распростёртыми объятиями — тепло и радушно. Одноклассники с неподдельной радостью и нескрываемым сочувствием при каждой встрече дружески похлопывали её по плечу, а младшие, попадаясь на пути, искренне и открыто улыбались. Но внутри Аника задыхалась от разлада: ложь жгла сердце калёным железом, хотя она и верила, что поступает так ради исцеления Янины. А с легендой о потере памяти врать особенно не пришлось: Аника и впрямь узнавала всё заново — и расположение кабинетов, и лица окружающих. Она всматривалась, анализировала, пытаясь вычислить нападавшего, но ни одна мелочь не вызывала подозрений. Десять дней, проведённых в центре, пролетели как одно мгновение, а она всё топталась на месте. Гипс, по легенде, снимут через три недели — и вот тогда откроется вся правда. Научиться рисовать с нуля за такой короткий срок невозможно, а без искры таланта — так и вовсе гиблое дело.

Каждый день, заговаривая с Яниной, Аника молила сестру о помощи, просила хотя бы намёк, крохотную зацепку. Но в ответ из сновидений доносился лишь отчаянный крик: «Аня, помоги!» — и перед глазами вставал бордово-алый цвет, а следом — разрезанное на четыре части яблоко, застывшее в самом центре картины. Что мог означать этот сон?

Первым делом следовало раздобыть всё, что только можно, о самом центре: кто владеет им и на какие средства содержится эта богадельня. В интернете информация сводилась к сухим строкам — адрес да фраза на главной странице: «Приём временно прекращён». Но что-то ведь должно быть ещё? Не может же всё ограничиваться этим. В своих рассказах Янина несколько раз упоминала о старшем брате директора — Вилене Владимировиче, который частенько захаживал к ним в центр. Он в первый же день знакомства приобрёл одну из её картин прямо. Там тоже что-то крутилось вокруг яблок… Но об этом позже, а пока выясним: какой интерес у Вилена Владимировича к центру талантов? Если он не преподаёт здесь, то зачем столько времени тратит впустую?

Набрав фамилию в «Гугле», Аника выяснила: Вилен Владимирович Тихомиров — профессор, именитый биолог, внёсший неоценимый вклад в разработку вакцин против гриппа и сибирской язвы. В настоящее время ведёт лабораторные исследования по созданию лекарства от рака. Серьёзный дядька… Зачем ему тогда центр для одарённых детей, где нет ни единого биолога или химика? Скорее всего, он либо сам спонсор, либо изыскивает средства на содержание. Но что за этим кроется? Помощь брату или личная выгода? В чём его интерес? Как узнать?

Решение пришло само: пробраться в кабинет директора, порыться в документах и отыскать хоть какую-нибудь зацепку. Севка, пусть и недовольный таким бесцеремонным вторжением, всё же согласился постоять на шухере.

Без тени сомнения и мучений совести Аника выкрала запасные ключи из сторожки охранницы и бесшумно скользнула в кабинет. К счастью, она бывала здесь раньше — после нападения директор сам пригласил её для участливого разговора, и теперь, вооружившись лишь тусклым огоньком фонарика, она уверенно ориентировалась в темноте. Девушка шагнула к сейфу, дёрнула ручку. Та взвизгнула в мёртвой тишине, дёрнулась вверх, замок щёлкнул сухо, но не поддался. Аника застыла. Вслушалась — в коридоре тишина. Выдохнула с шумом, почти со стоном. Пронесло. Крадучись, словно тень, она приблизилась к столу, стала медленно перебирать бумаги, переворачивая каждую и бережно складывая в прежнем порядке. Ничего интересного. Обычные хозяйственные операции. Но один платёжный документ приковал её

взгляд: безвозмездная помощь центру на полмиллиона рублей от исследовательского центра ООО ИЦ «Вариант».

Вернув бумаги на место в обратном порядке, девушка скользнула к шкафу. Отворив дверцу, провела пальцами по корешкам папок, стоявших ровными рядами. Вытащила одну с нижней полки — и наткнулась на досье Вишневского Артёма из младшей группы. Пробежала глазами по цифрам: высокие показатели. Затолкала папку обратно. Извлекла чёрную с верхней — Шорохов Егор, математик из старшей. Его данные ошеломляли: все тесты написаны по верхней шкале. Далеко пойдёт парень. Перелистнув ещё пару чёрных папок, Аника вытащила ту, что искала — Янинину. Сев за стол, она раскрыла её и впилась взглядом в строки. Выводы учителей совпадали с тем, что она видела сама. Прогресс сестры был несомненным. В Яне пробуждались силы, дремавшие годами. А теперь что? Постель, капельницы, пикающая аппаратура? Слёзы обожгли глаза, в груди сдавило. Аника решительно захлопнула папку, пытаясь унять дрожь в теле.

— Нет, я должна найти то, что вернёт Яну. Мне нужна зацепка.

Аника снова раскрыла первую страницу тонкого досье на сестру. Вглядываясь в строчки, она пыталась проглотить ком, застрявший в горле, — тугой, колючий, неподатливый.

— Что? Что я должна найти? — шептала девушка, и голос её дрожал, как натянутая струна. — Яна, помоги мне!

Она смотрела сквозь страницу не мигая, восстанавливая внутреннее спокойствие. Но слеза, скользнувшая из уголка глаза, предательски сорвалась с ресницы и с глухим шлепком упала на лист, вырвав Анику из оцепенения. Она уставилась на расплывающиеся чернила: влага жадно впитывалась в волокна, превращая римскую четвёрку в английскую букву N. Четвёртая группа крови на глазах медленно перетекала в заглавную N… Четвёртая… стоп.

У Севки тоже четвёртая. Мы ещё смеялись, что станем донорами друг для друга в случае чего. Подожди, подожди… А у остальных? Тоже четвёртая?

Аника лихорадочно выхватывала папки одну за другой, пролистывая страницы. Четвёртая «+». Снова четвёртая «+». Четвёртая «+». У всех воспитанников центра была четвёртая группа крови, менялся лишь резус. Совпадение? Аника замерла, чувствуя, как в голове пульсирует разгадка, которую она боялась озвучить.

Закрыв шкаф, девушка погасила фонарик и бесшумно выскользнула за дверь. В конце коридора послышались шаги, сопровождаемые громким скрипом ведра. Севка отчаянно замахал руками, предупреждая о незваном госте. Быстро заперев дверь, Аника метнулась к вахте, чтобы незаметно вернуть связку ключей на место. Минут через десять, чуть отдышавшись, ребята встретились на лестничной клетке.

— Значит, ничего необычного ты так и не нашла? — снова переспросил Севка. — Может, проглядела? — настаивал он.

— Ничего особенного. Сейф закрыт. Но на глаза попалась одна интересная платёжка. Нужно пробить исследовательскую фирму «Вариант». В папке лежали платёжные документы на поступление денег именно от неё.

— Кажется, я слышал это название. Погоди… это же фирма брата Рима Владимировича…

— Точно? — удивилась Аника. — Забавный поворотец.

— В интернете можно уточнить. Но, думаю, не секрет, что он спонсирует наш центр. Государственных субсидий вряд ли хватило бы на полную программу обучения.

— А зачем ему это? Зачем ему центр?

— Не знаю. Может, ему интересна эта тема — про необычных людей. А может, у него самого есть какие-то способности. Поди разбери.

— Думаешь?

Аника так и не рассказала Севке про четвёртую группу крови — ей казалось, что это просто совпадение, не более. Хотелось поскорее добраться до компьютера и попытаться связать воедино столь разные факты. Интернет — удивительная вещь: столько узнаёшь, почти не прикладывая усилий. Из трёх вопросов, засевших в голове Аники, сдвинуться с места удалось лишь двум. Первый: имеет ли отношение брат Рима Владимировича к ИЦ «Вариант»? Имеет. Он — президент научно-исследовательского центра. По сути, центр оказался обособленным подразделением ФБУН «Екатеринбургского НИИ вирусных инфекций» Роспотребнадзора. О деятельности которого было сказано следующее:

— Совершенствование системы эпиднадзора, изучение основных эпидемиологических закономерностей и эффективности средств и методов профилактики заболеваний, вызываемых респираторными, энтеральными, арбовирусами, ВИЧ и СПИД-ассоциированными вирусами.

— Разработка новых и совершенствование существующих вирусных диагностических и лечебно-профилактических препаратов, организация их выпуска; совершенствование методов специфической лабораторной диагностики, профилактики и лечения вирусных инфекций.

— Развитие и поддержание специализированной коллекции клеточных линий и штаммов для целей вирусологии и биотехнологии.

От прочитанного веяло напряжённой мозговой активностью. По этому адресу точно располагался рассадник интеллектуалов. Только вот зачем им дети не биологи? Этот вопрос оставался открытым.

Следующая головоломка — четвёртая группа крови. Аника набила вопрос в поисковике.

«Четвёртая группа крови — самая молодая и редкая, появившаяся всего около тысячи лет назад. Ею обладают лишь пять процентов населения Земли. Люди с IV группой крови — прирождённые адаптанты: они легко приспосабливаются к любой среде и рациону, а их организм отличается удивительной сопротивляемостью к заболеваниям. Однако пищеварительная система у них крайне уязвима, а иммунитет — чересчур толерантен. Загадка происхождения этой группы — смешение древних кровей «А» и «В», что делает её особенной среди прочих.

Существует и другая версия — так называемой «богемной» группы крови. Она гласит: едва человек научился без особых трудов добывать кров и пищу, его потянуло к прекрасному, пробудилась жажда творчества. И действительно, обладатели четвёртой группы слывут самыми творческими натурами. В их жизни царят фантазия, эмоции, любовь к красоте и интуиция. Душевная организация этих людей тонка и богата, восприятие реальности обострённое, вкус — безупречный. Они добры, сострадательны, бескорыстны и альтруистичны. Такой человек всегда выслушает, утешит, разделит боль. Но та же чувствительность нередко оборачивается их слабостью.

Анализ крови Иисуса Христа, взятой с Туринской плащаницы, выявил следы IV (АВ) группы крови. В более древних захоронениях археологи не находили останков с такой группой. Из этого следует вывод: тысячелетний промежуток, разделяющий Христа и первого обладателя четвёртой группы, доказывает, что до Иисуса ни у кого из людей её не было. То есть Иисус Христос стал первым человеком на Земле с этой кровью, — Аника даже присвистнула: вот это была новость так новость! Но продолжила читать:

Обладатель четвёрки легко уживается с другими людьми, он необычайно спокоен и доброжелателен. Под знаменем этой группы крови — самые мягкие, уравновешенные натуры, способные развлечь кого угодно и вытащить из любой депрессии. При этом они аккуратны, честны и тактичны. Их слабость в том, что, переживая внутренние конфликты, они взращивают в себе нерешительность, мучительно выбирая или принимая решения, а также страшатся всего нового. Однако склонность к мистике и загадочности вместе с высокой духовностью превращает людей с этой группой крови в замечательных прорицателей.

— Неплохая подборочка. Столько нового узнала о себе… Теперь понятно, откуда во мне эта нерешительность… — пробормотала Аника. — Скорее всего, выбор четвёртой группы крови — не случайность. Центр создали для изучения людей с такой группой. Быть может, его интересует причина её возникновения? А может, это создание секты? Возможно, Вилен В. возомнил себя Христом, а учеников — своими детьми? Пора бы узнать его группу крови. И ещё один вопрос: наделён ли Вилен Владимирович хоть какими-то способностями? Но тут совсем глухо. Все вопросы упирались в одни неизвестные. Но что, если выразить одни переменные через другие, подставить их в уравнение с тремя неизвестными и получить равенство с одним иксом — дальнейшее решение окажется до смешного простым. Через найденный икс мы отыщем всё остальное. И этим иксом в формуле был Вилен Владимирович. Значит, придётся с ним познакомиться. Но есть одна загвоздка: если он наделён даром, то вмиг раскусит, что я не Янина.

Встречаться с ним напрямую пока рановато. Нужно подготовиться, собрать как можно больше сведений. В интернете о нём данных мало, значит, придётся совершить путешествие в прошлое… в его прошлое. Но как это сделать? Взять в аренду супергения из центра или попытаться самой? Если подключить постороннего — возможна утечка информации, и тогда тайна, что я не Янина, рассыплется в прах. Стало быть, выход один — научиться странствовать в астрале самой. И выведать до встречи с Виленом Владимировичем всю его подноготную, чтобы в случае провала припрятать в рукаве хоть один надёжный козырь. Оставалась сущая малость: овладеть искусством астральных путешествий».

Аника перебирала в мыслях кандидатуры из подгруппы супермолодёжи, отыскивая того, кто научил бы её этому. Поразмыслив, она остановилась на Владе. Он питал симпатию к Анике, вернее, к Янине — в центре об этом знали все, и его помощь не породила бы лишних пересудов и пристального внимания остальных.

«Решено, — мысленно подвела черту девушка. — Влад. Он научит меня полётам и лишнего не сболтнёт».

На следующий день после вечерних занятий в центре Аника передала Владу записку: «Позвони мне. 87122500225. Дело есть. Яна». Звонок раздался тут же.

— Привет. Это Влад. Ты хотела поговорить? — вежливо осведомился он.

— Да. Есть к тебе дело.

— Какое?

— Научи меня путешествовать в прошлое.

— Хочешь о ком-то что-то разузнать? Могу помочь. Смотаюсь сам, потом скину тебе все факты. Усилий ноль, и всё безвозмездно.

— Да нет, определённой цели нет. Просто хочется попробовать, ощутить сам полёт вне тела. А на занятиях об этом почти не говорят.

— Хорошо, могу рассказать, как это делаю я.

— Правда? Слушай, а может, ты как-нибудь заглянешь ко мне? И дашь мне пару уроков?

— Не, за пару — вряд ли получится. Хотя попробовать можно.

— Тогда чего тянуть? Давай завтра вечером. С меня — чай с пирогами, с тебя — урок. Ну как? Идёт?

— Идёт. Отчего не помочь хорошему человеку? Замётано. Завтра так завтра, — хмыкнул он.

— Спасибо, Влад! Тогда до завтра.

Глава 5
Интересный человек с уникальными способностями

Вечером, готовясь к приходу Влада, Аника лихорадочно пыталась спровадить родственников — их присутствие неминуемо разрушило бы легенду о том, что она — Янина. К счастью, отец задержался в клинике, а вот бабушку пришлось выдворять почти силой — с помощью нытья, уговоров и туманных намёков на некий эксперимент, суть которого не разглашалась, но обязательными условиями были полная тишина и полумрак. Недовольная женщина, ворча себе под нос, отправилась к закадычной подруге, «с которой знакома тысячу лет» и которую, по её подсчётам, она не навещала уже лет как сто. Чтобы не усугублять и без того напряжённую атмосферу просьбой испечь пироги, Аника купила в кулинарии напротив пирожки с картофелем, рассудив по-житейски: чтобы испортить картошку в тесте, это надо ещё суметь постараться. Девушку коробило от лжи, но посвящать кого-либо в свои планы она не собиралась — решила действовать в одиночку. Убрав компрометирующие фотографии с сестрой в шкаф, она замерла в ожидании гостя. Звонок в дверь оборвал все её терзания. План по поимке похитителя вступал в активную фазу.

— Привет, Влад. Дом быстро нашёл? — спросила девушка, приоткрыв дверь.

— И тебе привет! Дубль ГИС всё найдёт, только адрес в поисковике вбей — так что всё быстро получилось, — беспечно отозвался он.

— Ясно, раздевайся, проходи в комнату. Чай будешь?

— Нет, заниматься лучше на пустой желудок — возможностей больше.

— Понятно, тогда чай задвигаем. У нас в распоряжении часа два, потом родители вернутся. Успеем?

Влад улыбнулся:

— Нет. С первого раза ещё ни у кого не выходило. Думаю, ты не исключение. Куда идти?

— Давай в гостиную.

— В гостиную так в гостиную, — согласился парень.

Они вошли в комнату. Аника щёлкнула выключателем — тёплый свет разлился по стенам.

— Слушай, ноут у тебя есть? Я принёс музыку с бинауральным эффектом. Она настраивает на быстрый выход. После первого выброса я перерыл кучу литературы, пытаясь понять, что такое астрал, и наткнулся на статью про эти звуки. Скачал. Мне реально помогает. Низкие частоты — они переключают мозг на другие волны.

Аника принесла ноутбук.

— Бинауральная, говоришь? А поподробнее можно?

— Да, небольшой ликбез тебе явно не помешает. Итак: в минуты активности наш мозг способен генерировать до десяти ватт электроэнергии. Его электрическая активность проявляется в виде мозговых волн. Наяву, в бодрствовании, мозг работает на бета-волнах — их частота колеблется от 15 до 40 Гц. Когда человек завершает задачу и садится отдохнуть или, скажем, погружается в медитацию, сознание перетекает в альфа-режим: частота снижается до 9–14 Гц. На грани сна рождаются тета-волны — их диапазон от 5 до 8 Гц. И наконец, дельта: волны с максимальной амплитудой и самой низкой частотой составляют всего 1,5–4 Гц. Если частота падает до нуля — для человека это конец, смерть. А глубокий, крепкий сон случается на частоте 2–3 Гц. Эти ритмы едины для всех — неважно, сколько тебе лет и какой ты расы.

Но если воздействовать на мозг специально, его частоту можно изменить. Проще всего подать сигнал через уши или глаза. Однако человек не слышит звуки ниже 16 Гц, и здесь рождается хитрость — бинауральный метод. В левое ухо поступает звук частотой 495 Гц, в

правое — 505. Два тона сливаются в голове, и рождается нужная частота. Однажды после такого прослушивания у меня возник гул в ушах, сильные вибрации — и состоялся выход. Я понятно объясняю?

Аника кивнула в ответ, уловив лишь одно: Влад — безусловный гений.

— А знаешь, как я пришёл к тому, что можно выходить из тела?

— Как?

— Впервые это случилось во время купания в реке. Я катал брата вдоль берега на надувном круге, бродя туда-сюда по воде. Зайдя поглубже, я решил, держась за круг и болтыхая ногами, немного проплыть. Но что-то скользкое и холодное в тёмной воде, проплывая мимо, коснулось моего живота. От страха я отпрянул, резко встал на ноги — и тут же обнаружил, что дна подо мной нет. Уйдя с головой под воду и вынырнув, я запаниковал, судорожно вцепился в круг. Он накренился. Увидев глаза брата, полные ужаса, я, не раздумывая ни секунды, толкнул круг к берегу, а сам остался в воде. Барахтанье длилось недолго — я сразу ушёл на дно. Воздух кончался, ноги вязли в иле, а я всё не мог оттолкнуться, чтобы всплыть. Вот тогда и произошло разъединение — я увидел самого себя. Один я всплывал к поверхности, другой медленно опускался на дно. Меня спас отец. Но ощущение раздвоения я запомнил навсегда. Позже, после нескольких тренировок, я научился выходить из тела на задержке дыхания. Суть такова: я задерживаю дыхание, представляя себя под водой, и расслабляюсь. Когда кислорода становится меньше, в ушах начинает шуметь. Я даю себе установку, что выхожу из тела, будто выныриваю из воды за глотком воздуха, — и выхожу. Вот мой метод.

— Не так-то просто… Думаешь, у меня получится? — спросила Аника.

— Янин, я говорил тебе, что это непросто. Тут только пробовать. Думаю, на пару раз тебя хватит.

— Почему на пару раз? — удивилась Аника.

— Больше и смысла нет. Всю энергию спалишь за два раза под ноль, а после — как ни рвись, без топлива выхода не получится. Говорю тебе как профи.

— Поняла. Тогда давай составим алгоритм. Простые чёткие команды, ни шагу в сторону, чтобы я не сливала энергию впустую.

— Не стану допытываться, зачем тебе это, но вижу: ты настроена серьёзно.

— Не смейся. Я хочу научиться выходить.

— Ладно, ладно… Я не настолько глуп, чтобы не понимать: тут всё непросто. Но рыться в чужих тайнах не стану — воспитание не позволяет. Если захочешь — сама расскажешь. Выводить на чистую воду я никого не собираюсь, Янина.

Имя «Янина» Влад произнёс по слогам. Аника сжалась. Он знает, кто я? Или блефует? Что ж, играть — так до конца.

— Уверяю тебя, это лишь чистый интерес. Не более. Ну что, начнём?

Ложь вспыхнула в её ауре. Влад, глядя поверх её головы, заметил это.

— Хорошо. Начнём. Алгоритм таков: ложишься на диван, расслабляешься под бинауральные звуки в наушниках — к слову, это просто шум, музыкой его не назовёшь. Представляешь, что плывёшь в море среди красивых рыб. Рассматривая их, погружаешься под воду, дышишь ровно. Затем медленно вдыхаешь и задерживаешь дыхание. Когда воздух кончится — примерно через минуту — даёшь себе команду: «Выхожу из тела» — и медленно выдыхаешь. В висках начнёт давить. Как только выдохнешь весь воздух, снова командуешь: «Выхожу из тела». И на вдохе пытаешься отделиться от тела, будто выныриваешь из воды за глотком воздуха. Примерно так. Понятно? Тогда вперёд!

— Вперёд! — с таким же энтузиазмом повторила Аника.

Она надела наушники и решительно опустилась на диван, словно ныряльщик перед прыжком в бездну. Но сколько Аника ни старалась, выход не случился ни в первый, ни во вто-

рой раз. Ошибки таились в неполном расслаблении и в том, как жадно она стремилась покинуть телесную оболочку. Всё сбылось в точности, как предсказывал Влад.

За чаепитием с пирожками Влад щедро делился тайнами расслабления, описывая ощущения перехода мозга на дельта-частоты, учил ловить тот миг, когда команда на выход обретала силу. И обучение, и практика, и само чаепитие — всё уместилось в два часа, как и было задумано. Часы, секунда за секундой, начали отбивать время возвращения бабушки. Пообещав, что продолжит тренировки сама, Аника мягко выставила Влада за дверь, условившись: в случае фиаско она непременно обратится к нему снова.

Вечером выход снова не состоялся. Засыпая и в очередной раз пытаясь шагнуть в астрал, Аника невольно уснула в наушниках с бинауральными шумами. Утром она очнулась от боли, что сверлила мозг от уха до уха, будто кто-то ввинчивал в череп раскалённую иглу.

— Господи, что это? Сейчас голову разорвёт на куски… — сжимая руками виски, шептала Аника.

Дверь открылась, но девушка не услышала.

— Ты с кем тут разговариваешь? — спросила бабушка.

Аника вздрогнула: голос бабушки донёсся до неё глухим бормотанием, словно из пустой бочки. От этого стало ещё страшнее.

— Ба, тащи быстрее таблетку, голова сейчас лопнет.

— Ты что, в наушниках спала?

Глухое бормотание превратилось в скрежет ржавого металла, давящего на уши.

— Ба, ну принеси, а? — голос сорвался на всхлип.

После таблетки обезболивающего голову отпустило, но слух будто утонул в вате. Аника сидела, словно в самолёте, набирающем высоту: вроде что-то слышишь, а уши заложило намертво, и давление, взбесившись, полезло к самой макушке.

В школе легче не стало. После первого урока Аника отпросилась домой, сославшись на боль в ушах. Следом по расписанию шла физкультура, и физрук со свистком, зажатым в зубах, просто добил бы уши и голову окончательно. Набрав номер Влада, она с раздражением вслушивалась в гудки, отодвигая трубку подальше от уха и прикрывая ладонью, словно в ожидании удара.

— Ну, бери уже, бери. Наконец-то. Привет, — выдохнула она в трубку. — Я оглохла от твоих бинауральных шумов. Это надолго?

— Странно… А ты долго слушала? — удивился парень.

— Всю ночь. Уснула в наушниках.

— Ничего себе! Я столько никогда не выдерживал. Интересно. И какие ощущения? Давай подробности.

— Слушай, экспериментатор. У меня голова будто в открытом космосе находится, уши до глухоты закладывает, а ему подробности подавай. Ты лучше скажи: это опасно? Слух вернётся?

— Теоретически — да, а практически — узнаем от тебя.

— Всё ясно: значит, ждать. А если снова включить — поможет?

— Теоретически возможно, а вот практически…

— Заладил: «теоретически…», «практически…» Приду домой — попробую опять твоим бинауралом. Позже позвоню, если не оглохну окончательно.

Аника рванула домой, цепляясь за надежду, что поговорка «клин клином вышибают» актуальна и в жизни. Надев наушники, она включила шумы и легла на кровать. Музыка больше не долбила по перепонкам, она существовала как бы поодаль. Закрыв глаза, расслабившись, Аника приступила к лечению, вслушиваясь в монотонный и тягучий шум. И вдруг в ушах что-то хрумкнуло, и звук заполнил голову, внутри запульсировали вибрации. Затаив дыхание, Аника приказала себе: «Выхожу из тела».

Разделение случилось мгновенно. Девушка парила под потолком, глядя на себя же — неподвижную, распластанную на кровати. Главное — не думать, не отпускать эту тончайшую нить. Смотреть отрешённо, будто сквозь стекло. Она задала координаты: 20 февраля 2018 года, 18:00, прихожая. И в тот же миг оказалась там — в своей квартире, у порога, в роли стороннего наблюдателя.

Аника видела, как Янина, натянув дублёнку, крикнула: «Ба, я скоро!» — и выскользнула на лестничную площадку. Аника — за ней. Янина в лифт, Аника — вихрем вниз по ступеням. Янина на улицу — Аника следом. Холод больше не пугал её: босая, в пижаме, она уверенно ступала по снегу, не сводя глаз с сестры.

Вдруг от детской площадки отделилась тень и двинулась за Яной. Теперь по тротуару шли трое: Янина, её преследователь и Аника, шагавшая за мужчиной, над головой которого дрожало багровое марево ауры. Впереди уже темнела школа. Аника знала: ничего не изменить. Только смотреть. Отключить чувства. Иначе выбросит обратно в тело.

— Девушка, постойте. Не подскажете, где дом номер пятнадцать?

— Нет.

Янина бежит по тропинке к школе. За ней — преследователь, следом Аника. Он догоняет, толкает девушку, бьёт кулаком по голове. В руке вспыхивает кастет.

— Нет! — вырвалось у Аники. — Не тронь её!

Но парень её не слышит. Вцепившись в ворот дублёнки, он волочёт Янину в кусты. У Аники наворачиваются слёзы, но она не отводит взгляда. Нельзя дать чувствам захлестнуть её. Остаться здесь, в моменте, — значит просто созерцать. Она опускает глаза и впивается взглядом в борозду, что оставляет на снегу волочимое тело. Движение впереди замирает — Аника вскидывает голову. Парень выхватывает тубус, который Янина всё ещё сжимает в руке, торопливо расстёгивает пуговицы на дублёнке. Сдёрнув шарф, срывает с её шеи крестик, вскакивает и в несколько широких прыжков возвращается на дорожку. Отряхнувшись от снега, он быстрым шагом направляется к автобусной остановке. Аника застывает в нерешительности — броситься к сестре или преследовать нападавшего. Соберись, Янине ты здесь не поможешь. Ты — зритель. Минут через десять настоящая Аника придёт ей на помощь. И астральная Аня шагает за обидчиком — ведь лица парня она до сих пор не разглядела. Догнав его, она ловит обрывок телефонного разговора.

— Да, забрал. И крестик тоже. Сейчас еду к вам. Девушка? Да стукнул раз… Очухается, решит, что ограбление. Деньги, как договаривались, сегодня же. Прямо сейчас.

Сунув трубку в карман, парень вскакивает в подъезжающий автобус. Аника, не успев за ним, влетает в салон уже сквозь захлопнувшуюся дверь — проходит сквозь неё, будто той не существует вовсе. Опустившись на сиденье, она с шумом выдыхает, всем существом осознавая: в реальной жизни такого быть не может. Повернув голову к удаляющейся школе, девушка беспокойно ёрзает на кресле. Ей хочется броситься назад, помочь сестре, но, пересилив себя, она остаётся сидеть на холодном скользком дерматине и ехать в полупустом автобусе, что тащится, словно хромая черепаха. Но быть здесь, именно сейчас, — необходимо для дела. Аника с трудом отрывает взгляд от окна и переводит его на парня: тот, ничего не подозревая, развалился на сиденье напротив, откинув голову на спинку. Теперь она видит его лицо — отчётливо, до каждой чёрточки, но сколько бы она ни вглядывалась в него, оно ей незнакомо. Она не встречала нападавшего ни в центре, ни где-либо ещё.

Через три остановки парень соскочил с заднего сиденья и шагнул к двери, готовясь выйти. Следующая остановка — центр развития. Он определённо направлялся туда. Девушка тоже поднялась и встала у него за спиной, на расстоянии вытянутой руки: она боялась, что, замешкавшись, не успеет проскользнуть сквозь закрытую дверь во второй раз.

Внезапно пространство заполнил голос:

— Аника, ты дома? Что случилось?

При этих словах девушку словно вышвырнуло из автобуса — со всей силы шлёпнуло на кровать, вернув обратно в тело. Открыв глаза, Аника увидела бабушку, стоящую перед её затуманенным взором. С трудом стянув непослушными пальцами наушники, она кое-как села. Всё тело ломило, будто минуту назад его молотили деревянными палками.

— Ты опять в этих ушах? — голос бабушки скрежетал, словно бульдозер, работающий вдалеке. — Почему ты не в школе?

— У меня болят уши, — выдохнула Аника, едва шевеля губами. — Отпустили домой.

— И ты решила полечить их музыкой? Я правильно поняла?

— Ба, правда болят. Может, капли какие найдутся? Или компресс?

— Погоди, сейчас поищу. Лежи. И убери с глаз моих долой эти пластмассовые уши, пока я их не выкинула. А то оглохнешь, как я. Уши смолоду беречь надо — в старости всё аукнется. Сколько ни твержу — не слышат. Не хотят понимать простых истин, — бормоча назидания, женщина тяжёлой поступью вышла.

Рухнув на кровать, Аника почувствовала себя сломанной куклой, сброшенной с огромной высоты. К глухоте, не побеждённой бинауралами, прибавилась ломота во всём теле. Спать. Скорее спать. Закапав лекарство в уши, она провалилась в глубокий крепкий сон.

Пробуждение было мягким: тело отдохнуло, слух вернулся. Телефонный звонок, что час назад казался комариным писком, теперь грохотал, как набат.

— Привет, это Влад. Человек, который беспокоится о тебе. Как уши? Бинауралы помогли? — голос его звучал с лукавой заботой.

— Нет, медицина помогла. Обычные капли. Слушай, у меня есть вопрос: как ты узнаёшь ответы так быстро, путешествуя в прошлое? На это же нужно время.

— В астрале время течёт быстрее. А насчёт «как» … хочешь честно? — он усмехнулся. — Только тебе скажу. Я не путешествую. Я перебрасываю себя в комнату, к компьютеру, и там нахожу ответы. А потом выдаю за истину. Знаешь, я до сих пор не понял: в астрале это всё правда или сон? Пару раз сверял данные с компом — почти всё совпадало. Но червь сомнения грызёт. Теперь делаю проще: в астрале ищу компьютер, из него беру информацию.

— То есть ты хочешь сказать, что информация из астрала — возможно, вовсе не отражение реальных событий, а лишь игра моего воображения? — спросила девушка, слегка опешив.

— Я не могу тебе этого объяснить. Сам до конца не понимаю: ложь это, правда или полуправда.

— Значит, этой информации нельзя доверять?

— Я доверяю, принимаю её за абсолютную истину. Но в суде она не станет доказательством, — рассмеялся в ответ Влад.

— Понятно. Спасибо, что позвонил. Да, уши пришли в норму и готовы к новым экспериментам. Сегодня вечером на занятия не приду — предупреди Рима Владимировича. Скажи, что заболела. Уши, сам понимаешь. А их надо беречь смолоду. Ну, пока.

— Хорошо, замолвлю за тебя словечко. Пока.

Вечером Аника съела больше обычного и легла спать раньше привычного.

Глава 6
Прошлое — выдумка или реальность?

Утро выходного дня — самое приятное время. Время, когда каждую минуту можно без зазрения совести посвятить лишь себе. И это утро, к радости Аники, только начиналось. Порывшись в интернете, она выудила немало жутковатых, но захватывающих фактов, связанных с Виленом В. Его молодость, прошла не так безоблачно, как предполагалось. Несколько скупых фактов, выуженных из сети:

«Сибирская язва. Свердловск. Степногорск.

По мнению ряда исследователей, вспышка сибирской язвы в Свердловске в начале апреля 1979 года могла быть вызвана утечкой биоматериала из секретной лаборатории «Свердловск-19» — или же стала результатом диверсии американских спецслужб. Эти версии анализировал российский микробиолог М. Супотницкий. Однако официальная версия настаивает: эпидемия (как и большинство подобных случаев в мире) возникла из-за мяса заражённого скота.

В то же время ряд исследователей и непосредственные участники тех событий убеждены: причиной стал случайный выброс в атмосферу облака спор сибирской язвы из военно-биологической лаборатории, расположенной в военном городке № 19 Чкаловского района города. «Свердловск-19» входил в строго засекреченную систему «Биопрепарат», занимавшуюся разработкой и производством биологического оружия, запрещённого международной конвенцией, к которой в 1972 году присоединился и СССР. Другие же полагают, что это был диверсионно-террористический акт иностранных государств — с целью спровоцировать лабораторию и проверить эффективность отечественных средств защиты от бактериологического оружия вероятного противника.

В последнюю пятницу марта 1979 года, когда производство спор сибирской язвы было временно остановлено, один из сотрудников лаборатории снял загрязнённый фильтр, предназначенный для предотвращения выброса спор в открытое пространство. Сняв его, он оставил записку с предупреждением, однако не сделал обязательной записи в журнале. Начальник следующей смены, не заметив неладного, включил оборудование, и лишь спустя несколько часов выяснилось, что фильтр отсутствует. Названо имя виновного — В. Тихомиров. Он не понёс наказания за гибель десятков невинных людей и впоследствии был переведён на секретный завод в Степногорск. Однако его вина, как и версия «случайного выброса», так и осталась недоказанной».

Следующая справка:

«Степногорск расположен в двухстах километрах к северо-востоку от Астаны. Во времена Советского Союза город не наносился на карты, и о самом его существовании в открытой печати напоминало лишь присутствие футбольной команды «Химик» (Степногорск). Изначально это был «секретный» населённый пункт, в разное время носивший «номерные» названия: Целиноград-25, Макинск-2. Причиной закрытости города стали Целинный горно-химический комбинат (его основная специализация — переработка урановой руды) и Степногорская научная опытно-промышленная база, где велись разработки штаммов сибирской язвы».

Информация, утратившая ценность за давностью лет, всё же давала штрих к портрету человека. Вилен В. и сейчас занимался биологией и вирусологией. Какова же главная его цель, если он посвятил этому всю свою жизнь? Истребить все вирусы на планете или создать панацею от всех недугов и озолотиться? Скорее всего, после трагедии, пережитой Виленом Владимировичем в молодости, в нём засело чувство собственной никчёмности и профнепригодности.

Крупные неудачи в юности накладывают определённый отпечаток на характер. Любопытно, как этот случай изменил его?

Аника размышляла, какой год выбрать для путешествия в его судьбу. Не погружаться же в каждый день — собственной жизни не хватит. Решила отправиться в тот день, когда вирус сибирской язвы вырвался на волю. Решено. Отправка — ночью. Лишь в это время можно путешествовать без опаски, не ожидая, что тебя внезапно выдернут обратно.

Днём, сходив в больницу к сестре и нарыдавшись в уголке коридора на диванчике, Аника резко переменила намерение. Первым делом захотелось увидеть маму, пусть и в астрале. Рассказать ей о сегодняшнем дне, о Яне, излить душу и выплакаться в родное плечо. Ей отчаянно нужна была поддержка — хоть кто-то должен выслушать и одобрить её план. И тот редкий случай подвернулся, поэтому грех было им не воспользоваться.

Девочки почти не помнили матери — им было по году, когда она ушла. Лишь дата на памятнике, двадцать пятое июня две тысячи второго, напоминала: целый год они были вместе. Аника решила перенестись в двадцать пятое мая того же года — в день их первого в жизни дня рождения. Это будет счастливый день для неё. Она почувствует материнскую любовь, а потом каждую пойманную эмоцию — радость, нежность, счастье, каждое мгновение, пусть мысленно, но передаст Янине. Уже этим вечером Аника увидит маму, будет говорить с ней, держать за руку, они будут смеяться и шептать друг другу секреты. Сегодня случится встреча, которая невозможна в реальности, и оттого девушка весь вечер не находила себе места: металась, нервничала. Разум отказывался верить в невероятное. Когда все наконец улеглись, она надела наушники и включила белый шум. Путешествие началось. Она стала зрителем — путником во времени, наблюдающим всё со стороны.

Двадцать пятое мая 2002 года стало датой, которую Аника выбрала осознанно. Она понимала: ровно через месяц её мать заболеет и уйдёт из жизни, и Аника не желала стать свидетелем этого.

«Какие мы с Янкой пухленькие! Наряды яркие, забавные — прямо куклы на чайник. Каждой подарили по медведю… Я помню их… А здесь они почти с нас ростом…»

Взгляд Аники скользнул с девочек, возившихся в манеже, к столу, где сидел отец. Он опирался локтем о столешницу, лицо было бледным, глаза — красными и опухшими. Он не отводил взгляда от пустой тарелки. Рядом стояла бутылка водки, уже наполовину пустая, тут же валялась рюмка с отбитой ножкой. Торт с двумя задутыми свечами остался нетронутым и был беспечно сдвинут на край стола. В комнате царила давящая тишина — не звучало ни музыки, ни смеха. Пройдя по коридору, Аника зашла на кухню. Бабушка в фартуке, надетом поверх платья, украдкой вытирала слезу и мыла посуду. У приоткрытого окна стоял дед, придерживая рукой штору, курил.

— А где мама? Её нет… Она что, в больнице?

Аника перенеслась в тридцать первое декабря 2001 года — в канун Нового года, на несколько месяцев назад. Знакомая комната тонула во мраке. Кругом тишина. Ни смеха, ни праздничной ели. На широкой кровати рядом с бабушкой, вплотную прижавшись друг к другу, спали две маленькие девочки. Аника шагнула ближе к спящим.

«Я гораздо стройнее Янки. У меня с младенчества аура зелёного оттенка, а у неё — голубого. Выходит, с самого детства у нас были разные цвета. Она точно удивится, узнав об этом», — подумала про себя Аника.

Пройдя по коридору, она оказалась на кухне. За столом сидел отец. Налив в рюмку водки, он одним движением опрокинул её в себя и закусил не до конца очищенным мандарином. Дед, опершись плечом о стену, курил, выпуская в открытую форточку плотное облако белого дыма. Но Аника не уловила ни запаха цитрусовых, ни табака. Всё происходящее казалось ей иллюзией. Сном. Лишь один вопрос по-настоящему тревожил её:

— Где мама? Где торжество? Где ёлка, музыка, Дед Мороз?

Не успев осознать случившегося, Аника очутилась в двадцать пятом июня 2001 года — ровно через месяц после того, как они появились на свет. Перед ней предстала та же комната. На кровати, ворочаясь, лежали два свёртка. По зеленоватому свечению, разлитому вокруг головы, Аника поняла, что плакала именно она. Но к кричащей девочке никто не спешил. Бабушка стояла у плиты и варила кашу. Повсюду были разбросаны игрушки. Отец — тощий и взлохмаченный — курил на балконе. Аника обвела взглядом комнату в поисках женских следов: обуви, одежды, косметики. Но не наткнулась ни на одну вещицу, которая могла бы привлечь её внимание. И тут — яркой вспышкой — на полке, в шкафу, блеснула фотография мамы с чёрной лентой на уголке.

Исказив лицо от боли, Аника выдохнула: «Этого не может быть!»

Собрав волю в кулак, она совершила прыжок в двадцать пятое мая 2001 года — в день их рождения.

В прихожей стояли туфли, в шкафу висели платья, в ванной лежала косметика. Но в квартире не было ни души. Девушка переместилась в больницу, в родильное отделение. В приёмной она заметила отца — худого, взволнованного, с густой шевелюрой, без единой залысины. Он сидел на диванчике у стены. Внезапно дверь родильного отделения распахнулась, и в коридор вышла беременная женщина. На ней был надет халат в синюю полоску, который превращал живот в огромный арбуз — такой же тугой и круглый, только синий.

Аника, увидев маму, расплылась в широкой улыбке. Сердце её заколотилось, затрепетало, рванулось бешеной птицей наружу, готовое вырваться из грудной клетки. Она узнала её сразу: каждую чёрточку любимого лица Аника выучила по фотографиям в старом альбоме. Теперь она не просто видела мать — она чувствовала её всем существом, словно была одновременно и снаружи, и внутри неё. Огромное блаженство — тягучее, всепроникающее — накрыло девушку с головой. Она ощутила: мама их любит. Сильно, каждой своей клеточкой. Не сумев сдержать порыв, Аника бросилась к ней и крепко обняла, вбирая в себя тепло родного тела. Женщина, несколько растерявшись, на миг замерла, не понимая, что происходит, но в ответ тоже приобняла девушку — инстинктивно, мягко, по-матерински.

«Менять ничего нельзя — это сон, уже свершившийся сон. Если всё поменяешь — правды не узнаешь», — стрекотала фраза в голове Аники назойливым кузнечиком.

Взяв себя в руки, она смущённо пробормотала, пряча глаза:

— Извините, я перепутала. У меня здесь тётя лежит… у меня зрение плохое… а халат у неё такой же… был… вот я и перепутала. Извините.

— Ничего, ничего. Мне было приятно, что меня так тепло встречают на выходе, — женщина улыбнулась, и в этой улыбке появилась искренняя нежность. — Я могу позвать вашу тётю. В какой она палате? Как её зовут?

— Нет, нет, спасибо. Она сейчас выйдет. Она знает, что я здесь.

— Смотрите, мне бы не составило труда вам помочь. Хотя…

Боль внезапно исказила лицо женщины — резко перечеркнув черты и стерев улыбку. Мужчина мягко подхватил её, бережно усадил на диванчик.

— Сейчас отпустит. Не уходи, мне нужно с тобой поговорить.

— Да, да… Но может, тебе всё же вернуться в палату? — голос его дрогнул.

Женщина молча качнула головой.

Аника скользнула по коридору дальше и застыла у обучающего плаката, прибитого к стене неподалёку от сидящих. Девушке хотелось глядеть на мать, не отрываясь. Запечатлеть в памяти каждое её движение, каждый наклон головы, как она убирает непослушную прядь со лба, как улыбается, смешно морща нос.

«А она красивая. Мы с Янкой похожи на неё».

Наблюдение хоть и велось в нескольких метрах, но, как бы Аника ни вслушивалась, слова родителей ускользали от неё, превращаясь в тихий шёпот. Чтобы уловить их, нужно было стать тенью — незримой, бесшумной, и подойти почти вплотную.

Аника вышла на лестничную площадку и тотчас вернулась. Теперь она невидима, но зрит и слышит всё, оставаясь незамеченной. Разговор шёл о крестике. Мама переживала, что не успела забрать его из мастерской. Оба крестика были изготовлены из металла, упавшего с неба, прямо из космоса.

Аника достала свой — из-под одежды, прочла на оборотной стороне выгравированное имя: «Янина». Прижавшись губами к холодному металлу, она поцеловала его, поклявшись сестре найти второй, вырвать её из комы и вернуть к жизни.

Погружённая в свои мысли, Аника не заметила, как в разговор вмешалась медсестра, появившаяся рядом.

— Прощайтесь, роженице пора на осмотр, — поторопила женщина в белом халате.

— Я люблю тебя, Аня. Я скоро.

— И я тебя. Мне так повезло, что из всех врачей на свете я тогда попала именно к тебе, — произнесла мама и, обернувшись в дверях, шепнула: — Поторопись, любимый. Я буду ждать.

У Аники не хватило сил смотреть на лицо матери, искаженное болью, и она вышла следом за отцом из приёмного покоя в коридор. Там, на диване, среди пакетов с покупками, сидела бабушка. «Какое же у неё испуганное лицо…» — мелькнуло в сознании Аники. Порывшись в сумочке, бабушка протянула отцу сложенный вдвое листок. Он схватил бумагу, рванул по коридору и бегом слетел по лестнице вниз. Аника едва поспевала за ним, на ходу успев нырнуть на заднее сиденье машины сквозь закрытую дверь. Автомобиль понёсся к центру и замер у ювелирной мастерской. Отец споткнулся о плитку на пороге, выругался сквозь зубы и влетел внутрь. Аника — следом.

Протянув мастеру квитанцию, он заговорил торопливо, то и дело жестикулируя руками, но тот не спешил: бродил от шкафа к шкафу, кряхтел, перекладывая бумаги с места на место.

— Вот, взгляните. Ваша супруга заказала два изделия. Форму выбирала сама, — мастер ткнул пальцем в журнал, повернулся к шкафчику и извлёк коробочку. — Полюбуйтесь, что вышло. Всё сделал в срок, как обещал. Заказ оплачен вашей супругой, аванс покрыл всю стоимость. Распишитесь здесь… В графе получения, что претензий к изделиям и качеству не имеете, — поспешно добавил он, тыча пальцем в квитанцию.

«Это же наши крестики!» — едва не вскрикнула Аника, и сердце её оборвалось. Ей безумно захотелось схватить один и тотчас помчаться к сестре, чтобы проверить свою догадку. Ей верилось, что стоит надеть на Яну оба крестика — и та непременно выйдет из комы, разорвав пелену беспамятства. Аника пробовала оставлять свой крест в больнице, надевая его на шею сестры, — но все усилия её были тщетны. Видно, для чуда требовался весь металл целиком.

Отец, черкнув в квитанции, схватил коробочку с крестиками и ринулся к двери.

— Постойте! Здесь ещё кусочек остался! Заберите остаток! — спохватившись, вскрикнул грузный очкарик, выскакивая из-за стойки выдачи.

Но мужчина, не расслышав ни слова, рванул дверь и захлопнул её с такой силой, что ювелир даже вздрогнул. Аника знала: она окажется в больнице быстрее отца, а потому решила остаться и взглянуть на остаток металла. Кусочек был крошечным, едва различимым в ладони мужчины. Мастер вертел его между указательным и большим пальцами, не зная, что делать — то ли оставить себе, то ли искать хозяина, и потому свободной рукой принялся набирать номер из памяти.

— Сына, привет, у меня к тебе дело есть. Случайно в руки попал неизвестный металл. Хотел бы узнать его состав. Поможешь? Да не ерунда это, не видал я такого. Правда, совсем мало осталось. При переплавке в первоначальном изделии обнаружился камушек с углубле-

нием, я его достал, вот в нём металл и остался. Примерно с горошину чёрного перца. Немного, да. Проверишь? Как, нет лаборатории? Ты же биолог, Вилен. Ну, подсоби старику, окажи услугу…

Аника замерла. Вилен? Разве бывают такие совпадения? Биолог — и Вилен.

— Не думаю, что у тебя уйдёт тьма времени на выяснение его химического состава… Вилен, разве я часто тебя о чём-нибудь прошу? — продолжал настаивать мужчина, голос его звучал напористо, но мягко. — Ну всё, договорились. Жду тебя сегодня вечером. Мама испечёт твои любимые блинчики с мясом — уговорю её, не сомневайся. Остаток металла небольшой. Сильно сомневаюсь, что заказчик вернётся: он так спешил, что я и слова ему сказать не успел. Ну, до вечера, сынок. Жду.

Аника замерла, словно парализованная. На информационной карте мастера в графе «ФИО» значилось: Тихомиров Владимир Владимирович. Выходило, что и у Вилена Владимировича хранился осколок космического металла. Значит, это он похитил крестик Янины — он знал о его существовании. Быть может, и школа талантов была лишь прикрытием, тайной охотой за реликвией? В том, что он пробуждает в людях дар, мы с сестрой убедились сами. Думаю, Вилен Владимирович тоже всё понял и ждал, когда мы сами придём к нему. И мы пришли.

«А вдруг это лишь мои догадки?» — терзала себя девушка.

Всё запуталось ещё сильнее. Но одно прояснилось точно: появление Вилена Владимировича в их жизни оказалось неслучайным.

«Мы сами угодили в его сети, в его игру. Если господин Тихомиров знает о втором крестике, значит, знает и обо мне. И весь план с моим появлением под именем Янина был обречён с самого начала. Он играет мной, как марионеткой. Одно утешает: он не знает, что я разгадала его замысел. Выходит, он не просто одарён — к его крупице металла прирос изрядный довесок. Теперь в его руках — бóльшая часть пришельца, явившегося из космоса. Возжелает ли он завладеть остатком? Вот в чём вопрос. Но об этом после. Сейчас — в больницу…»

Аника знала: скоро звонок будильника вырвет её из этого зыбкого мира. Она снова очутилась в больнице, чтобы перед пробуждением ещё раз взглянуть на мать. Но в коридоре наткнулась на отца — тот говорил с врачом надрывно, почти срываясь на крик. Она замерла, впитывая каждое слово.

— …только во время родов выяснилось, что девочки лежали в тазовом предлежании. Роды осложнились, открылось кровотечение. Мы пытались его остановить, второго ребёнка извлекли путём кесарева сечения. Девочки обе живы и здоровы. Но сердце вашей жены не выдержало: остановилось. Она умерла во время операции.

— Как умерла? Доктор, как — умерла?! Сейчас не умирают при родах! Двадцать первый век на дворе! Как это могло случиться?! Это вы не справились! Это вы её убили! Вы!

— Мне жаль, но я сделал всё, что было в моих силах. Вашу жену доставили с преждевременными родами, существовал риск потери младенцев. Операция проходила в штатном режиме. Однако сердце вашей супруги не выдержало. В медицинском заключении я подробно изложу всю последовательность действий персонала во время хирургического вмешательства.

— Мне не нужны ваши оправдания! Где она? Я хочу её видеть!

— Сейчас это невозможно. Вам покажут только девочек. Я правда сделал всё, что мог… Мне очень жаль. — Он потупил взгляд, хотел добавить ещё что-то, но осекся и, резко развернувшись, быстро зашагал по коридору прочь.

— Что?! Мама умерла при родах? Но на памятнике — дата: 25 июня 2002 года… Она же умерла через год после нашего рождения… Нам так говорили. Значит — врали? Выходит, даты выбили на камне специально для нас, чтобы мы не чувствовали вины в её смерти. А она жизнь за нас отдала… Ну как же так?

Аника медленно сползла спиной по стене, уткнулась лицом в колени — плечи её мелко задрожали. Сегодня на неё обрушилась правда, которую скрывали долгие годы. Каждый день

рождения был для отца и родных днём траура, для неё же и Янки — праздником смеха, предвкушения подарков, радости. Аника, вытянув ноги, сидела на холодном полу; плечи её ходили ходуном, она по-детски всхлипывала, размазывая слёзы по раскрасневшимся щекам.

В больничном коридоре горевали трое: мужчина, женщина и девушка — и каждый оплакивал свою Анну. Анну — дочь. Анну — возлюбленную. И Анну — мать, столь горячо любимую и столь недосягаемую для любви.

Глава 7
Правда не всегда вдохновляет

Резкая боль в ушах вырвала Анику из астрального забытья и швырнула обратно в реальность. Часы показывали 2:30. Она провела в астрале всего два часа, а прожила — словно целую жизнь. Чтобы утром не растерять драгоценные крупицы увиденного, она решила записать их в тетради. Смахнув слёзы, Аника поднялась с кровати, раскрыла ежедневник и, замирая, вывела:

1. Наши с Янкой крестики выкованы из одного сплава. Металл прилетел из космоса. Расспросить отца: откуда изначально появился крест из этого сплава.

2. Мама умерла при родах. Зачем нам лгали?

3. Вилен Владимирович знает о двух крестиках. Знает, что сплав неземной. Он отыскал Яну через центр и подстроил нападение. Ему известно и о моём существовании. Захочет ли он отнять внеземной металл и у меня? В опасности ли я?

4. Дар у него есть. Он опасный противник. И похоже, я всего лишь пешка в его игре.

Дверь скрипнула, и на пороге возникла бабушка в халате, наброшенном на ночную рубашку. Аника молниеносно захлопнула ежедневник.

— Аня, ты чего не спишь? — в голосе бабушки скользнуло удивление.

— Ба, да сон дурной приснился. Всё, уже ложусь.

— Хочешь, я с тобой посижу?

— Нет, не надо. Всё уже хорошо. Правда, всё хорошо.

Аника нырнула в постель и провалилась в сон — глубокий, непробудный, без сновидений, словно не спала до этого целую неделю. Тело, распластавшись на спине, расслабилось и неподвижно застыло, в той же позе Аника утром открыла глаза.

Будильник своим дребезжанием взорвал тишину в третий раз. И это уже было невыносимо. Нервно подпрыгивая на тумбочке и добавляя громкости, он изо всех сил старался выполнить возложенную на него задачу. Аника, повинуясь маленькому монстру, с трудом разлепила веки, возвращаясь из небытия во вчерашние события. Столько потрясений — а в голове пустота, ни одного воспоминания. Мозг, переключившись на бета-волны, стёр всё, что могло её взволновать.

Метнувшись к ежедневнику, Аника пробежалась глазами по строчкам, воспроизводя в памяти каждую деталь минувшей ночи. Воспоминания вернулись и захлестнули — яркие, до оскомины отчётливые: все чувства, звуки, каждый жест и каждое движение.

«И как мне теперь быть? Что делать? Справлюсь ли я с сильным, умным мужчиной, способным мне навредить? Хотя постой… Вилену В. до меня и дела нет. Ему нужен крест, а я — лишь случайная помеха. Побочный эффект. Он забудет о моём существовании на следующий же день, как только завладеет крестиком. Он наверняка знал, что я тоже появлюсь в центре. И я появилась».

С самого начала её замысел был обречён на провал. Для Аники игра шла вслепую, её карты были известны противнику. И свой следующий шаг он рассчитает так, чтобы, защищаясь, она сама пошла той картой, которая завершила бы его победную комбинацию. Ей требовался нестандартный ответ — такой, что застал бы его врасплох и вывел из равновесия. Но был ли у неё такой ход? И что ей теперь делать: найти изъян в его игре или рискнуть, сыграв на опережение? И Аника выбрала риск. Первым делом она решила проникнуть в его жизнь в астрале, нырнуть в тот день и выведать, что он задумал, когда получил данные о химическом составе сплава. Именно в этот день изменилось его мировоззрение.

Чтобы случайно не столкнуться с Виленом В. в центре, Аника вновь прогуляла занятия, сославшись на головные боли. Эта причина казалась ей вполне допустимой в её ситуации.

Дождавшись вечера, она снова отправилась в астральную вылазку — невидимую и неслышимую. Отделяться от тела получалось легко: каждое ощущение было знакомо до мелочей. Расслабиться, вынырнуть из плотной толщи воды — и через пару минут уже парить под потолком бестелесным зрителем.

Оказавшись в ювелирной мастерской, Аника перенеслась в квартиру Тихомировых. Звякнул дверной звонок. Аника замерла, затаив дыхание. Дверь распахнулась — и в проёме вспыхнул ослепительный свет, режущий, живой, который грубо вышвырнул её назад, в собственное тело.

Во второй раз Аника направилась в лабораторию Тихомирова. Услышав голос профессора, она шагнула вперёд и открыла дверь — но, едва зажмурившись от нахлынувшей вспышки, снова очнулась в своей комнате. Срабатывала незнакомая ей доселе световая защита — непроницаемая, пульсирующая, не подпускавшая к профессору ни на метр. Аника пробовала снова и снова, пока от бессилия и горькой обиды не разрыдалась. Оказаться рядом с Тихомировым в другом измерении — у неё не получалось, никак не получалось.

Выматывающие выходы в астрал, нервные срывы — из-за открывшейся горькой правды, плюсом ни к месту нагрянувшая эпидемия гриппа, всё разом обрушилось на Анику, и хрупкая броня её иммунитета не выдержала. С надрывным кашлем и высокой температурой она рухнула в постель. Болезнь быстро захватила измотанный за последнее время организм, вцепилась в него крепко, давая осложнение за осложнением. Девушка металась в бреду, сражаясь с незримыми врагами, но крест на груди делал своё дело — болезнь отступала. На четвёртый день молодой организм уже пошёл на поправку, и Аника перестала содрогаться в приступах кашля.

Едва столбик термометра опустился до заветных 36,6, бабушка, не мешкая ни минуты, поволокла внучку в храм. Женщина вбила себе в голову, что на девочках порча, и переубедить её не мог никто. Анике было проще уступить и покорно согласиться на поход в церковь, чем тратить силы на бесконечные споры, доказывая, что это всего лишь злая череда совпадений, а вовсе не козни завистников.

До этого дня Аника с сестрой бывали в храме лишь дважды: при крещении, но воспоминаний об этом практически не осталось, и когда они вдвоём высматривали цветовые ауры у верующих. Но и тот поход запомнился девушке только тем, что головы молящихся окутывала сиреневая дымка, а головы просящих подаяние на паперти — нет.

Храм, куда бабушка привела Анику, оказался величавым и прекрасным. Белоснежное строение, увенчанное пятью золотыми куполами, словно скала, вздымалось над городом. Контраст белых стен и сияющего золота на фоне пронзительно-голубого неба завораживал, притягивал взор, не давая оторваться. Облицовка из красного гранита у основания здания — словно запёкшаяся кровь — служила тягостным, горьким напоминанием потомкам о грехах предков. Это было знаковое и трагическое место. Здесь, на земле, где воздвигли Храм на Крови, когда-то стоял Ипатьевский дом, где в подвале после революции была расстреляна царская семья, которую ныне почитают страстотерпцами, невинно убиенными.

Величавая, безмолвная красота храма и его сокровенное убранство — лики святых, алтарь, воздвигнутый на месте расстрела, — словно дышали скорбью о погибших. В этих стенах Аника встрепенулась, ожила душой. Крестик на её груди источал столько тепла и благословения, что девушка, замерев у алтаря, тихо всхлипывала, очищая слезами душу и тело от накопившейся скверны. Пребывание в храме рождало в ней тишину и умиротворение; она обретала то спокойствие и внутреннюю силу, в которых так отчаянно нуждалась.

Купив свечи, бабушка с Аникой поставили несколько к иконе Николая Чудотворца — за выздоровление Янины, и несколько — к мощам Серафима Саровского. Задержавшись у мощей святого, Аника читала единственную известную ей молитву «Отче наш» во спасение сестры, когда рядом неслышно появилась монахиня, собиравшая оплывшие огарки.

— Защита тебе нужна, девонька, — произнесла она, быстро сгребая свечные остатки в холщовый мешок. — Читай молитву «Честному Кресту», обноси себя знамением трижды и ставь защиту — сама знаешь какую.

Аника, потрясенная услышанным, не успела ни спросить, ни поблагодарить за совет, как монахиня засеменила к выходу и исчезла за дверью с табличкой «служебное помещение». «Ставь защиту… читая молитву Честному Кресту». Эти слова Аника повторяла всю дорогу домой. Совпадение? Провидение? Поди теперь разберись. Но, порывшись в интернете, она нашла молитву «Животворящему Кресту», распечатала её, а затем красиво, от руки, переписала на лист бумаги — создавая тем самым свой личный оберег. Взяв листок, она принялась читать молитву от всего сердца:

«Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его, и да бежат от лица Его ненавидящие Его. Яко исчезает дым, да исчезнут; яко тает воск от лица огня, так да погибнут бесы от лица любящих Бога и знаменующихся крестным знамением, и в веселии глаголющих: радуйся, Пречестный и Животворящий Кресте Господень, прогоняй бесы силою на Тебе пропятого Господа нашего Иисуса Христа, во ад сшедшего и поправшего силу диаволю, и даровавшего нам Тебе, Крест Свой Честный, на прогнание всякого супостата. О, Пречестный и Животворящий Кресте Господень! Помогай ми со Святою Госпожею Девою Богородицею и со всеми святыми во веки. Аминь».

Аника перекрестилась трижды и прошептала: «Защита на мне от врагов земных и астральных; кто меня увидит или услышит в астрале, в тело своё тотчас вернётся. Аминь». Поцеловав крестик, девушка бережно свернула листок с молитвой и убрала его под подушку.

Тем же вечером Аника отправилась в больницу к сестре. Она не навещала Янину больше недели — боялась невзначай заразить гриппом и ужасно соскучилась по ней. Ей хотелось разделить с сестрой то тепло и свет, что она обрела в храме. Рассказать о матери, о том, как безмерно та их любила; открыть, кто на самом деле её покровитель Вилен В.; поведать о полётах в прошлое. Она мечтала растормошить атмосферу вокруг и вдохнуть хоть искру жизни в худенькое тельце сестры. Но, столкнувшись с пугающей явью — с той же палатой, с тем же писком аппаратуры, с теми же врачами и с теми же салатовыми стенами, — Аника, присев на кровать рядом с Яниной, впервые не нашла слов. Её жизнь теперь текла где-то за гранью реальности, и то, что она принимала за истину, могло оказаться лишь игрой её воображения. Рассказ не складывался: события последних дней даже ей самой казались фантастическими. Не зная, с чего начать, Аника принялась читать стихи. Просто читать стихи. Сначала Лермонтова, затем Пушкина, Есенина.

«И скучно и грустно, и некому руку подать
В минуту душевной невзгоды…
Желанья!.. Что пользы напрасно и вечно желать?..
А годы проходят — все лучшие годы!»

Девушка едва успевала закончить строку — как тут же, словно на одном дыхании, начинала новое стихотворение:

«Я теперь скупее стал в желаньях,
Жизнь моя! иль ты приснилась мне?
Словно я весенней гулкой ранью
Проскакал на розовом коне…»

Визит к Янине перевернул душу Аники. Беспомощная неподвижность сестры, её безмолвная мольба — всё это толкало вперёд, рождая в груди непреклонную решимость и отчаянное бесстрашие. Вернувшись домой, девушка, не колеблясь ни мгновения, твёрдым шагом направилась к отцовскому кабинету. Она постучала и, чуть помедлив, приоткрыла дверь.

— Можно?

— Да, да, входи, — отозвался он, поднимая глаза от книги.

— Пап, у меня к тебе вопрос. И мне очень хочется услышать честный ответ.

— Хорошо. Спрашивай. Хотя, признаться, и у меня к тебе есть встречный. Напомни потом, чтобы я не забыл. Так о чём ты хотела узнать? — Он отложил в сторону толстенный том и внимательно посмотрел на дочь.

— Ты рассказывал, что эти крестики, — Аника вытащила из-под кофты тонкую цепочку и, сжав ценность в пальцах, показала отцу, — нам достались от мамы?

— Да, так и было.

— А ей — от кого?

— Ты хочешь узнать их происхождение? Маме они достались по наследству от родственников, насколько я помню.

— А можно подробнее: от каких родственников? С чьей стороны?

— Ответить на этот вопрос непросто. Но слушай, как дело было. Твоей маме, ещё до замужества, снился один и тот же сон: человек в чёрном плаще — лица она его не различила. Так вот, он указывал ей на потайное место, где был запрятан клад, и просил отыскать его. Сны длились долго, и мама решила проверить видение, чтобы успокоиться. Этот повторяющийся сон выбивал её из колеи. И он оказался вещим. Шкатулка нашлась в подвале одного дома — какого, не скажу, не знаю, врать не стану, — и в ней оказался крест. Со слов незнакомца, металл тот упал с небес, из космоса. Он выковал из него крест, что оберегал его самого и будет беречь всякого, кто его носит. Вот и вся история, вернее, пересказ со слов твоей мамы, — произнёс отец, ничуть не волнуясь.

— Допустим, это правда. Но почему о кладе и шкатулке он рассказал именно маме?

— Не знаю. Наверное, он был ей родственником или близким по духу человеком.

— И вы из одного креста сделали два — для нас?

— Да. Так решила ваша мама. Она сама и переделала.

— Странная какая-то история, загадочная.

— Пожалуй. Но твою маму это так захватило, что, поверив в эту сказку, она всё же нашла шкатулку и крест. Теперь он разделён надвое — тебе и Янине, для вашей защиты.

— Знаешь, пап, мы с Янкой тоже чувствуем какую-то связь с этим крестиком. Тебе, наверное, смешно это слышать?

— Нет, Ань. Я уже привык к неожиданным поворотам. Твоя мама была необыкновенной. Аника, ты даже не представляешь, какой она была необыкновенной… Рядом с ней я парил в небесах, словно проживал жизнь заново. Мне её так не хватает. Очень не хватает. — Мужчина вздохнул, но продолжил: — Однако не будем о грустном. Ты узнала то, что хотела?

— Да. Теперь твой вопрос, пап, — напомнила девушка.

Аника так и не решилась спросить отца о смерти матери — ни о том, как это случилось, ни о дне, когда её не стало. Слишком тяжко было ворошить его память, касаться тех ран, что немного утихли. Она видела, какой бездной отчаяния он был объят там, в астрале. И вывод напрашивался сам собой: если про крестики — правда, то и дата смерти бесспорна.

— Аника, — голос мужчины прозвучал подчёркнуто холодно. — У бабушки возникли подозрения, что ты прогуливаешь школу. Она нашла в твоей комнате гипсовый слепок на правую руку. Но и это не всё: на следующий день она видела тебя на улице, и твоя правая рука, торчащая из рукава куртки, находилась в гипсе. Ты можешь объяснить мне, что всё это значит?

— Могу. Это мы номер придумывали для выпускного — хотели в сценке сымитировать перелом. Сейчас не знаю, будем использовать эту фишку или нет. А на улицу я его надела, чтобы научиться носить. Вот и вся история, — выпалила девушка быстро, без тени сомнения, ничуть не уязвлённая собственным враньём.

— Ясно. То есть это не симуляция, и с учёбой всё в порядке? Так?

— Да, всё хорошо, пап. Я всё сдам и Янку успею подтянуть. Ей же скоро станет лучше, да?

— Думаю, да. Я на это очень надеюсь, — голос его дрогнул, упал до шёпота, и он придвинул к себе книгу.

— Хорошо. Тогда не буду отвлекать, пойду к себе. У меня тоже дела. Учёёёёёба! — пропела Аника, растягивая гласную, и направилась к двери.

Выходя, она скользнула взглядом по книге, зажатой в отцовских руках. «Электростимуляция мозга — миф или реальность». Он тоже искал пути спасения Янины. И доселе державшие Анику за горло неуверенность и страх ослабили свою хватку: она не одна. У папы есть свой план. И если её замысел не сработает, то он обязательно найдёт другой выход.

Утро ворвалось резко — телефонный звонок подбросил Анику на кровати. Звонил Влад.

— Привет, как ты? — голос его звенел бодростью.

— Лучше. Завтра, наверное, выберусь в центр. Что у вас нового?

— У нас? Да всё по-старому. В астрал получилось выйти?

— Так себе. Дальше комнаты не пробиться — обратно забрасывает, — соврала Аника, и аура полыхнула грязно-зелёным, но Влад этого не увидел.

— Понятно.

— Слушай, Влад… ты ко всем в астрале можешь приходить?

Парень рассмеялся — коротко, с лёгкой хрипотцой.

— Хочешь честно?

— Давай.

— Думал, что ко всем могу. А сегодня ночью к тебе хотел — и не вышло. Тело выкинуло обратно, будто стена встала. Раньше такого не бывало. Вот и хотел спросить: ты защиту поставила, что ли? Три раза пытался прорваться — и ни в какую. Странно.

— В смысле — раньше? — голос её дрогнул. — Ты ко мне приходил уже?

— Каждый вечер после занятий.

— Каждый вечер? — Она приподнялась на локте. — И ты мне об этом так спокойно говоришь?

— А смысл врать? — усмехнулся он, и в смехе этом не было ни капли смущения.

— Ну ты даёшь… Значит, ты приходишь ко мне вечером и…

— Смотрю на тебя, любуюсь, — договорил он самым обычным тоном, будто речь шла о погоде за окном.

— Влад, ты видел меня голой?

— Твоё тело — совершенство.

— Ты извращенец! Как можно без спроса?

— Но это же во сне. А астрал подобен сну. Быть может, всё, что я вижу, — обман, и тебя рисует лишь моё воображение.

— Только не говори, что я тебе нравлюсь. Ты же знаешь, у меня есть Севка. — Аника снова включила Янину, и аура сверкнула тёмно-зелёным.

— Однажды я спросил тебя в астрале: любишь ли ты его? Ты ответила: «Нет». Да и аура у вас не меняется, когда вы вместе. А аура не лжёт. Вот я и решил попытать счастья. Считаешь, зря? — не отступал парень.

— Влад, давай останемся просто друзьями. Без обид, ладно? Севка всё же мой парень, — с подчёркнутой холодностью объявила Аника. — Слушай, ты сказал, что теперь не можешь прийти ко мне в астрале. Это давно случилось? — в её голосе уже сквозило любопытство.

— Нет, сегодня ночью впервые. Ты придумала себе защиту?

— Я? Нет. Считаешь, с моими успехами я способна на такое? Попробуй ещё раз, но учти: больше я не буду разгуливать голой по вечерам.

— Я же твой друг. Приходя, я просто любуюсь тобой. Но если вдруг передумаешь, я буду рад новым отношениям. А так — обращайся, я всегда помогу.

— Влад, ты классный парень и умный до жути, я правда рада, что мы знакомы. Но дружба — это всё, что я могу тебе предложить. Мне нравится наше общение, и я предлагаю оставить всё как есть. Не обижайся, ладно?

— Ладно. У тебя ещё есть время пересмотреть свои ошибки и передумать. Я пока свободен.

— Хорошо, — рассмеялась Аника, — тогда пока.

— И тебе пока.

«Неужели мне удалось поставить защиту, и теперь в мою жизнь не ворваться без спросу? Все мои мысли, все идеи перестали быть открытой книгой для других». Девушка почувствовала себя победителем, пусть в маленьком, но успешном сражении.

Глава 8
Если половинка дана с рождения, стоит ли искать ещё одну

Между тем время неумолимо текло, март подходил к концу, и весна уже вступала в свои права. Но как ни старалась Аника прижиться, вписаться в этот коллектив, центр гениев так и не стал для неё родным. Девушка жила в постоянном напряжении, с замиранием сердца ожидая, что обман вот-вот раскроется и правда выплывет наружу. Не то чтобы это её особенно печалило — просто на днях ей, по легенде, должны были снять гипс, и теперь она понятия не имела, как объяснить сотоварищам, что вместе с цветом ауры изменился и стиль её живописи. Возникший из ниоткуда абстракционизм — рисование цветными квадратами — вконец разрушал задумку о том, что она Янина. Анике было проще совсем не ходить на занятия, чем без конца оправдываться и трепать себе нервы. Так она и поступала. Расследование особо не продвигалось, и она попусту теряла время в стенах центра. В мае предстояли выпускные экзамены, но Янина, уже больше месяца лежавшая в больнице, всё ещё не выходила из комы. И Аника ничем не могла помочь сестре. Её план, в который она верила и которому неуклонно следовала, сводился к одному: соединить оба крестика, прочесть молитву «Честному Кресту» и воззвать о помощи к Богу. Всё это должно было вернуть Янину к жизни.

А для этого необходимо любой ценой вернуть крестик сестры. Перехватить инициативу, ошеломить противника и отвоевать украденное.

Нужен был немедленный выход на профессора Тихомирова. Не оставляя себе путей к отступлению, Аника тут же набрала номер института вирусологии и, представившись студенткой биофака, стала напрашиваться на встречу с Виленом Владимировичем. Рассудив, что профессор наверняка заинтересуется такой незаурядной личностью, если она, сославшись на представителей научного кружка при университете, представит на его суд их свежие лабораторные изыскания по активации макрофагов М1[1] за счёт привлечения цитотоксических Т-лимфоцитов[2], способных снижать вирулентность[3] патогенных грибов в борьбе с микозами[4] у людей.

Ответ секретаря, которая ровным счётом ничего не поняла из сбивчивой речи Аники, разом охладил её пыл. Профессор был в командировке и должен был вернуться не раньше конца следующей недели. Тогда Аника изъявила желание встретиться с кем-нибудь из сотрудников лаборатории по интересующему её вопросу — чтобы, не теряя времени, собрать, пусть и по крупицам, нужные сведения о профессоре. Однако секретарь, искушённая в телефонных переговорах, пресекала любые её попытки связаться хоть с кем-либо, ссылаясь на занятость персонала. В конце концов, устав от пререканий, женщина продиктовала Анике номер Тихомирова-младшего — лишь бы наконец от неё избавиться, и тотчас повесила трубку.

Вот так новость! У профессора, оказывается, имелся наследник — Илья Виленович. Упустить такой шанс было бы непростительной глупостью, и девушка, не мешкая, набрала номер профессорского чада и договорилась о встрече — на завтра, ровно в четыре часа дня.

Чтобы раздобыть сведения о семействе Тихомировых, которые могли бы пригодиться в разговоре, Аника той же ночью отправилась в астрал. Перед выходом, прочитав молитву

---

[1] М1-макрофаги — это активированный подтип клеток врожденного иммунитета, обладающий выраженными провоспалительными свойствами.

[2] Цитотоксические Т-лимфоциты — это особые клетки иммунной системы (белые кровяные тельца), которые отвечают за уничтожение поврежденных, зараженных вирусами или переродившихся (раковых) клеток собственного организма.

[3] Вирулентность — это степень способности вируса вызывать заболевание или гибель организма.

[4] Микозы — это заразные инфекционные заболевания, которые вызывают паразитические микроскопические грибки.

Животворящему Кресту, она поставила на себя защиту — как оказалось, действенную, проверенную самим Владом. А ему она доверяла безоговорочно, на все сто процентов.

Выход в астрал теперь давался легко, на едином дыхании. Выскользнув из телесной оболочки, Аника устремилась в институтскую лабораторию — где и увидела того, ради кого она сюда и пришла. Им оказался высокий юноша с глазами цвета неба и волнистыми волосами. Зелёное сияние ауры мягко струилось вокруг его головы, образуя подобие нимба. Он был хорош собой — не кукольной, застывшей красотой, а светом, идущим изнутри, спокойным и тёплым. Аника залюбовалась им. Он грациозно сидел, мило улыбался, небрежно и в то же время изящно поправлял пряди, спадавшие на глаза. Белый халат ему явно был к лицу…

Аника смотрела на него, позабыв, зачем явилась сюда. Лишь усилием воли она заставила себя переключиться на поиск информации. Первым всплыл паспорт: Илья Виленович, родился второго августа 1995 года. Двадцать три? Нет, ещё двадцать два. А папаше на вид лет под шестьдесят… Поздний ребёнок. Или второй? Аника переместилась по адресу: Малышева, 84. Жена оказалась лет сорока пяти. Значит, у Вилена В. поздний брак и долгожданный сын. Паспорт супруги, один ребёнок — Илья. Скорее всего, это второй брак профессора. Вот и всё, что удалось выяснить за одну астральную вылазку.

Всё следующее утро Аника готовилась к встрече с тем сногсшибательным парнем, от одного вида которого перехватывало дыхание. Она перемерила все свои наряды, стремясь произвести не просто впечатление, а именно ошеломить. Гипс был снят и предан забвению — сейчас не тот случай. Но надеть мини-платье и сапожки на каблуке, выбранные поначалу, она так и не решилась. Биолог-вирусолог — это в первую очередь учёный, поглощённый наукой, который видит себя в зеркале лишь когда чистит зубы, а не накрашенная красотка на каблучках; броская одежда здесь ни к чему. И выбранный наряд уступил место джинсам, мягкому свитеру и удобным ботинкам. Чуть подкрасив ресницы, она повторила у зеркала зазубренный текст про макрофаги — и помчалась на долгожданную встречу с самым красивым парнем на земле.

Кофейня, выбранная для встречи, дышала уютом. Аромат свежесваренного кофе с первым вдохом наполнил лёгкие, слегка одурманил и завладел сознанием. Чашка кофе стала навязчивым желанием. Аника сразу узнала молодого красавца за столиком, но, следуя уговору, принялась набирать его номер на экране. Телефон задребезжал, парень поднялся и приветливо махнул рукой.

— Добрый день, я Аника, та самая студентка, которая так дерзко напросилась на встречу.

— Добрый день, а я Илья Виленович, тот самый сотрудник научной лаборатории, который пришёл сливать секреты собственного отца.

Молодые люди рассмеялись. Аника скинула куртку, небрежно набросила её на спинку стула и села напротив.

— Заказывайте, я угощаю, — произнёс Илья, протягивая меню.

— Тогда мне большую кружку капучино и тирамису, раз уж такая удача, — выпалила девушка, даже не взглянув на прейскурант в тяжёлом переплёте.

Парень сделал заказ, и разговор полился дальше.

— Ну что, раз отец в командировке, то я готов выслушать вашу презентацию по активации макрофагов группы М1, как мне помнится? Вы, судя по всему, первокурсница, и это ваша первая серьёзная работа. Я угадал?

— Точно! Волнуюсь… ужасно. Хорошо, что первая встреча случилась с вами, а не с вашим отцом.

— Тут вы правы! У моего отца взгляд — как рентген: видит людей насквозь. Чем и пугает молодых хорошеньких девушек. А у вас имя необычное, красивое — и Анна, и Ника вместе.

— Папе очень нравилось имя Анна… Меня назвали почти как маму. Она заболела и умерла, когда мне исполнился год.

— Простите, я не знал, — поспешно вставил он.

— Ничего. Может, начнём? — проглотив подступивший к горлу комок, проговорила Аника, уводя разговор в сторону. — Я кратко изложу суть нашего эксперимента.

— Хорошо. Я в теме. Быть может, ваша информация пригодится и мне, — с мягкой улыбкой произнёс парень. Он явно старался ей понравиться, и Анике это льстило. Но куда больше её тревожили скудные познания в биологии, сводившиеся к двум вызубренным параграфам.

— Раз макрофаги М1, — начала она, — именуемые «воинами», отвечающие за уничтожение чужеродных агентов (в том числе и опухолевых клеток) как напрямую, так и за счёт привлечения и активации других клеток иммунной системы (например, Т-киллеров), могут перепрограммироваться в М2-макрофаги — «целителей», ускоряющих регенерацию тканей, то они, сами того не замечая, перестают синтезировать антиопухолевые цитокины[5] и начинают выделять в окружающую среду молекулы, ускоряющие рост опухоли и прорастание кровеносных сосудов, тем самым обеспечивая ей питание…

Аника запнулась и побледнела. Она напрочь позабыла название белков, играющих ключевую роль в этом перепрограммировании. К тому же для поддержания разговора у неё оставался лишь ещё один заученный параграф. Её знаний хватало только на то, чтобы заманить Вилена В. на встречу, а дальше она собиралась говорить с ним совсем не о макрофагах. Теперь же вся её тщательно выстроенная конструкция рассыпалась на глазах.

— Знаете, Илья, — сглотнув застрявший комок в горле, проговорила Аника, — я не биолог и ничего не смыслю в вирусах и клетках иммунной системы… Пока не смыслю. Я студентка первого курса медицинского вуза, учусь на специалитете и в будущем хочу лечить маленьких детей. А встретиться с профессором Тихомировым я хотела из-за сестры… Это она биолог, и у неё разработки, склянки да банки по всему дому. Я боюсь заходить к ней в комнату, чтобы случайно не подхватить какую-нибудь заразу… Это всё её изыскания про макрофаги. А я, поискав, кто мог бы заинтересоваться этой темой, напросилась на встречу, чтобы привлечь к её работе специалиста. Хотела пригласить Вилена Владимировича к ней в лабораторию на сам эксперимент, но он в командировке. Теперь вот вижу — не очень-то у меня вышло помочь сестре. Даже встретиться с вашим отцом не удалось. Вот, собственно, и вся история про мои изыскания.

— Не отчаивайтесь. Я постараюсь организовать вашу встречу с отцом. В конце концов, юные таланты должны быть услышаны.

— Спасибо, Илья Виленович, я буду вам очень признательна за помощь. Кстати, в интернете я нашла информацию, что под руководством вашего дяди открыт центр для молодых дарований. Вы там тоже учились? — несколько резковато переключилась на волнующую её тему Аника.

— Нет. Талантов во мне не нашлось. В целом я человек обыкновенный. Правда, и в моей жизни есть одно любопытное совпадение. Родился я второго августа, и меня назвали Ильёй — в честь святого, почитаемого в этот день. И теперь я счастливый обладатель собственного дня в году.

— Интересно. Значит, свой собственный день. А я про Ильин день знаю только одно: наступил — всё, прощай лето, купаться нельзя. Вода в водоёмах начинает цвести.

— Это да, а девушки в этот день гадают на суженого, — с улыбкой подхватил он.

— Занятно. Только все эти гадания для мечтателей. Учёные любят цифры и формулы, — Аника улыбнулась.

— Ваша правда, только все учёные в душе немного мечтатели. Большинство работает над созданием того, чего ещё нет в природе.

---

[5] Цитокины — это небольшие сигнальные белки, которые контролируют воспалительные реакции, активируя рост других клеток, а также участвуют в регенерации тканей.

— Труднодостижимую цель действительно можно назвать мечтой. Победить все болезни одной таблеткой — это заветное желание любого учёного, — Аника отпила из кружки и снова спросила: — А в вашем центре дарований выращивают молодых учёных? Интересно, туда берут только биологов или всех? И чья была идея создать такое заведение — вашего отца или его брата?

— Да вы засыпали меня вопросами. Про центр я мало что знаю, так, понаслышке. Могу сказать, что там рады любому гению, — парень улыбнулся. — А кто был зачинателем центра, тут не скажу, не знаю. Странно, что вас вообще заинтересовала информация о центре — особой связи его с макрофагами я не вижу.

— Всё просто: если ваш отец помогает молодым дарованиям стать учёными, значит, он поможет и моей сестре.

— Теперь связь очевидна, — парень улыбнулся.

— А ваша лаборатория сейчас над чем работает? Какие исследования ведутся? — Аника перевела разговор на другую тему, чувствуя, что слишком давит на парня.

— Всего не расскажу, разве что о себе. Я, к примеру, тружусь над вакциной от клещевого энцефалита.

— А ваш отец?

— Знаете, Аника, я, пожалуй, ничего занятного не смогу поведать о работе профессора Тихомирова Вилена Владимировича: у него разработки закрытые. Думаю, вам лучше поговорить о его трудах с ним самим. Но информация о макрофагах, возможно, его заинтересует.

— Это хорошая новость. Правда, получается, вы напрасно потратили время на встречу со мной.

— Не напрасно. Меня очаровал ваш голос, и я решил познакомиться с его обладателем. Вернее, с обладательницей… — он запнулся, и в улыбке его мелькнуло что-то мальчишеское.

— Понятно. Тогда давайте пить кофе, а я буду болтать о всякой ерунде, чтобы вы могли насладиться моим голосом, — рассмеялась Аника и снова отпила из чашки.

Вечером она рассказывала сестре о новом человеке, который вошёл в её жизнь. О красивом, умном, добром, ироничном парне с мелодичным именем Илья. О том, что он биолог и пытается спасти человечество от клещевого энцефалита. О том, что у него тоже зелёная аура. И что он ей безумно нравится. И если бы сестра увидела его, то непременно разделила бы её восторженный настрой.

Но фраза «он сын Тихомирова», оброненная случайно, оборвала полёт, спустив Анику с небес на грешную землю. Он был сыном врага. И буквально завтра враг пригласил её на дружеский ужин.

— Знаешь, Ян, а я пойду. Иметь союзника и, в некотором смысле, информатора в стане противника — неплохое подспорье. Это нужно для дела. И я воспользуюсь этим.

Следующая неделя пролетела незаметно. Аника влюбилась по уши — безоглядно, безрассудно, без остатка. Смс-ки, цветы, кино, бесконечные разговоры: девушка витала в облаках, не отдавая себе отчёта, как глубоко и стремительно она увязла во всём этом. Каждое утро она давала себе клятву прекратить общение, а к обеду захлёбывалась смехом над очередной историей, рассказанной Ильёй. Всё запутывалось ещё сильнее. Они медленно прирастали друг к другу, мечтая быть всегда вместе, всегда рядом.

Этим вечером молодой человек пригласил Анику в кино на новые «Звёздные войны». Точное название фильма она не запомнила: не смотрела ни одной части саги и, честно говоря, не собиралась начинать. Но Илья с таким детским сиянием в глазах рассказывал об этих историях, что Аника, пересилив себя, согласилась. Весь сеанс он увлечённо шептал ей запутанные перипетии сюжета, пытаясь погрузить её в магию далёкой-далёкой галактики. Но, как ни старалась Аника, как ни вслушивалась в его шёпот, фильм оставлял её равнодушной. И только его рука, сжимающая её ладошку, казалась ей настоящей.

— Ты просто первую часть трилогии не видела, потому и не можешь врубиться в продолжение, — с жаром говорил Илья. — Глянешь первые три серии — и всё встанет на свои места. Сейчас заскочим ко мне, я качну пару фильмов, и у тебя сложится общая картина. Зуб даю, ты втянешься в эту историю.

— Ладно, давай качнём, может, и правда в этом дело. Если начну с начала — глядишь, и пойму, что к чему. Только мне к девяти надо вернуться: я не предупредила своих, что задержусь.

Аника соврала. Отцу и бабушке она сказала, что идёт в кино с девчонками на вечерний сеанс.

— Успеем. На машине туда-обратно — время сэкономим. Садись, домчу вмиг: одна нога у меня, другая — уже в твоём тёплом домашнем тапке.

Аника согласилась, устроилась на переднем сиденье, и машина тронулась. Однокомнатная квартира Ильи оказалась небольшой, но уютной. Минимум мебели — всё стильно, со вкусом. Над интерьером, похоже, потрудился папуля-профессор.

— Проходи, не стесняйся. Ну, как тебе обстановочка? Сам ремонт делал… ну, кроме натяжных потолков, само собой. Да и обои мы с мастером вдвоём клеили. Нет, вру — ламинат я только купил. Блин, и плитку в ванной тоже не я, — смеясь, перечислял Илья. — И кухня заказана с установкой. Как и шкаф-купе. А вот мебель! Мебель выбирал и собирал сам, — с улыбкой закончил он. — Ань, может, чаю? Или кофе?

— А молоко есть? — спросила Аника.

— Для маленьких молоко найдётся.

— Ну, знаешь, оно и для беззубых старичков полезно. Тогда кофе с молоком, — улыбнулась девушка.

— Слушаюсь, мэм. Включай комп, я мигом. Сахар положить?

— Нет, только молоко.

Запах кофе лёгкой волной поплыл по квартире.

— У меня к кофе только баранки. Люблю их — просто страсть с детства.

— Баранки так баранки, я не против.

— Добро, сейчас всё принесу в комнату. А ты пока располагайся, телевизор включи, — крикнул с кухни Илья.

Аника включила телевизор, подошла к шкафу и принялась разглядывать корешки книг. Рядами стояли медицинские справочники, энциклопедии и брошюрки про насекомых. Художественная литература — и та была с медицинским уклоном: может, не вся, но пара книг точно. Некоторые из них Аника уже читала и помнила, о чём они. Молодой человек не только рубился в компьютерные игры и смотрел «Звёздные войны», но и всерьёз занимался самообразованием. А как иначе — сын профессора. Пример заразителен.

На журнальном столике уже стояли: пакет с баранками, креманка с джемом, сахарница и две кружки кофе с молоком.

— Всё готово, садись, пей, а то остынет. Я пока скину фильмы. У меня где-то была свободная флешка.

Илья взял свою кружку и переместился к компьютеру.

— Скачиваю сначала четвёртую — она как первая по сюжету, потом пятую, а затем первые три части: их снимали уже как приквелы. Для начала, думаю, хватит. Как посмотришь — обсудим. Надеюсь, в нашем фанатеющем полку прибудет пополнение. Баранки ешь, вкусные, свежие — объедение.

Баранки и вправду оказались свежими. Аника с удовольствием съела одну, а следом — кусочек отломанной четвертинки.

— Держи флешку, — произнёс Илья, садясь рядом на диван. — Ну как кофе? Может, ещё?

— Нет, спасибо, хватит. Кружка немаленькая — за две потянет. А баранки и правда вкусные. И свежие. А нас бабушка больше ватрушками балует. Сама печёт. С творогом. Говорит: полезные. А у тебя над губой усы, как у Арамиса из мушкетёров… только красные джемовые.

— Да? Сейчас вытру.

Илья подскочил на ноги, но Аника, взяв его за руку, мягко, но настойчиво усадила обратно.

— Давай я.

Их взгляды встретились. Встретились губы.

— Думаю, мы торопимся? — прошептал Илья.

— Нет, — выдохнула Аника, прижимаясь всем телом. — Мне ни капли не страшно. Даже в первый раз.

— Аника, ты мне очень нравишься. Я никогда тебя не обижу. Но может, лучше в следующий раз?

— Сегодня. Сейчас, — шептала она, впиваясь в его губы. Чувственные поцелуи вздымали волну желания из глубин живота, разнося её по каждой клеточке трепещущего тела. Кожа покрывалась мурашками от каждого нового прикосновения. Аника сама сбрасывала одежду, не в силах оторваться от поцелуев. Она не узнавала собственное тело: ставшее невесомым, гибким, нервно-чувственным. Разве такое бывает? В горле застыл ком от предвкушения чего-то нового. Ей хотелось разрыдаться от переполнявших её чувств.

Но сказка оборвалась резко — с первым проникновением.

Внезапная боль, сковавшая живот, парализовала тело. Затаив дыхание, Аника закусила губу. И какой кайф в этом судорожном подёргивании? В кино притворяются, что ли? Илья застонал и замер. Это всё? И так — всю жизнь? Аника лежала, разбитая и разочарованная. Где же непостижимая радость и наслаждение? Одна суета, причиняющая боль…

— Тебе не понравилось? — Илья встревожился, заметив недоумение в её глазах.

— Слишком много ощущений. Не разобралась.

— Наверное, потому что в первый раз? И было больно?

— Было.

— Я старался аккуратнее, правда, Аня. Я сдерживал себя, как мог.

Девушка приподнялась, обводя комнату растерянным взглядом. Трусики свисали с кулька, набитого баранками, а колготки распластались по полу во весь рост — словно старались сбежать подальше. Аника натянула их второпях, зацепилась за стул, дёрнула — и по ноге скользнула тонкая петля, мгновенно превратившаяся в дерзкую стрелку. Теперь не прикроешь. А на диване — пятно. Кровь? Сказать Илье? Нет, это его ещё больше расстроит.

— Ань, может, чаю? — спросил молодой человек, натягивая одежду. Пальцы его дрожали. Застёгивая пуговицы, он то и дело промахивался через одну.

— Нет, отвези меня домой.

— Прости, если что не так.

— Всё хорошо.

Аника вышла в коридор. Походка сделалась чужой: одна нога ступала поодаль от другой, не соприкасаясь, словно враскоряку, будто тело позабыло, как ходить. На улице она смущённо опустила глаза в землю: ей чудилось, что прохожие угадывают по её походке, по расположению ног, что она только что занималась сексом. Почему — сексом, а не любовью? Аника гнала прочь эту мысль, она любила Илью. Но то, что произошло между ними сейчас, не пересекалось с тем, что она чувствовала к нему.

Всю дорогу молчали. Машина остановилась у подъезда. Илья, не зная, с чего начать, начал с главного:

— Ань, прости… у меня ты — первая… ну, девственница. Я, наверное, всё делал не так. Но я рад, что твоя первая близость случилась со мной. Правда, рад. Я очень тебя люблю. И твоё решение — подарить себя — я очень, очень ценю.

Молодой человек запинался, вздыхал, с трудом выдавливая из себя слова. Анике стало жаль Илью — ведь это она сама стала инициатором близости, а теперь всем своим видом словно упрекала его в неумении подарить женщине наслаждение. Чтобы хоть как-то успокоить его, она произнесла:

— Илья, я правда сама этого хотела. Я мечтала, чтобы моим первым мужчиной стал именно ты. И ты мне по-прежнему очень, очень нравишься. Думаю, всё у нас будет хорошо. И… В общем… Я, наверное, пойду, мне и правда пора.

Она чмокнула парня в губы и выпорхнула из машины. Но на этом её грациозность иссякла. Как бы Аника ни старалась ступать пружинисто и легко, дальше она шла походкой утки — вразвалочку, с единственным вопросом в голове: «Это вообще пройдёт? И если да, то как скоро?»

Утро принесло девушке облегчение — и душевное, и физическое. Аника снова чувствовала себя порхающей бабочкой, девушкой с грациозной походкой лани. А всё не так уж и плохо… Что на меня вчера нашло? Она написала сообщение Илье, который, скорее всего, не спал полночи, терзаясь переживаниями.

«Прости за вчерашний временный паралич. В следующий раз буду гореть огнём!»

«Боюсь даже представить. Я и вчера пребывал в полном восторге», — тут же ответил Илья.

Глава 9
Ловля на живца

Тяжкий груз душевных переживаний спал с плеч молодых людей, и переписка возобновилась. Настроение улучшилось, и чувства воспылали с новой силой — юность отходчива, когда чувства идут прямиком от сердца.

Прилетевшая на телефон фотография, отправленная Ильёй по вацапу, не первая, где он сидел среди склянок с клещами, а вторая, сделанная в кабинете Вилена В., несколько обескуражила Анику. На снимке Илья, сдвинув очки на самый кончик носа, развалился в большом кожаном кресле и держал в руках две стеклянные пробирки с мутной жидкостью. Однако не это привлекло взгляд девушки — её внимание захватило то, что висело на стене за его спиной.

Две картины. Одну из них Аника узнала. Она увеличила часть изображения на экране, чтобы рассмотреть полотна. Левая — та, что Янина продала Тихомирову в день их знакомства, её Аника помнила до последнего мазка. Правая же походила на ту, что являлась ей во снах: футбольное поле, яблоко и четыре сюжета напротив его частей.

Аника всматривалась в фотографию. Это был оригинал последней картины Янины — той, что украли. А если полотно у профессора, вывод напрашивался сам: нападение спланировал и организовал отец Ильи. Если раньше Аника лишь допускала такую мысль, то теперь у неё имелись неоспоримые доказательства. Увиденное сильно расстроило девушку. До сегодняшнего дня она ещё верила, что отец Ильи не причастен, и эта вера давала ей право продолжать отношения с его сыном. А теперь что?

Девушка вздрогнула от телефонного звонка. Звонил Илья.

— Привет, Ань. Ну как тебе фотки будущего лауреата Нобелевской премии? — со смехом спросил он, и в голосе его зазвенела та лёгкая, почти мальчишеская самоуверенность, с какой люди говорят о мечтах, в которые сами до конца не верят.

— Прости, но интеллект в глазах ещё не тянет на Нобеля, — парировала она, не сдержав улыбки. — Слушай, Илья, а что там за картины на стене? Сфоткай каждую отдельно и отправь мне. Хочу посмотреть ближе, разглядеть все детали.

— Будет сделано, мисс, — отозвался он с наигранной серьёзностью. — Понравились? Отец принёс их из центра. Это подарок молодых дарований. В рисунках будто заложен некий тайный посыл, веет от них какой-то тревогой, словно автора что-то грызло изнутри, не давало покоя. Вот смотрю на них и не пойму: их что-то объединяет — и дело вовсе не только в яблоке, — голос в трубке на мгновение затих, словно он сам прислушивался к этой неясной мысли, но тут же вернулся, уже с прежней лёгкостью: — А может, и нет. Померещилось. Ладно, пойду к себе, работа ждёт. Фотки сейчас скину. Ну, пока. Наберу вечером. Кстати, отец сегодня возвращается. Ты не передумала показать ему записи сестры? А то, может, махнём к родителям сегодня, а? Я тебя с семьёй познакомлю, там и задашь свои вопросы по макрофагам — заодно и ответы из первых рук получишь.

Аника онемела. Слова застряли где-то в горле, а в голове разом заметались десятки мыслей.

— Сегодня? Ты с ума сошёл! Я не готова сегодня…

— Тогда завтра, — не сдавался он.

— Погоди, мне нужно будет как-то незаметно стянуть дневник у сестры… — растерянно протянула Аника. — В идеале его лучше отсканировать, чтобы оставить записи в случае чего… Я не хочу перед твоим отцом сесть в лужу. Да и знакомить меня с родителями, считаю, ещё рановато.

— Можно листы сфоткать на телефон. Я потом тебе текст в Ворд быстренько перекину. А знакомиться — самое время: у меня намерения наисерьёзнейшие. После долгих поисков я наконец нашёл девушку своей мечты — всё на том же медфаке.

— Не торопи время, иди уже, спасай мир. Вечером об этом поговорим.

Закончив разговор, Аника застыла, впившись взглядом в экран телефона — рассматривала только что присланные снимки. Мелковато. Перебросив фотографии на компьютер и увеличив их в несколько раз, она принялась дотошно всматриваться в мельчайшие детали картин. Илья оказался прав: помимо яблока, в них обнаружилось ещё одно пересечение. Четыре сюжета, запечатлевшие разные временные эпохи эволюции человека, и четыре человеческие расы, представляющие собой некое многообразие людского рода.

Четвёрка стала связующим числом обоих полотен. Теперь пересечений насчитывалось два: яблоко и число четыре. А может, всё это лишь игра воображения, и никакой связи нет? Но чем дольше девушка вглядывалась в картины, тем сильнее в ней крепла уверенность: совпадения эти не случайны.

Илья обмолвился, что Тихомиров-старший вернулся в город, но Аника всё ещё не была готова к встрече. Вместо того чтобы довести до ума наспех набросанный план, она с головой окунулась в любовь и, заигравшись, запутала ситуацию ещё больше. Пора было вырваться из этого эмоционального водоворота, оставив лишь голый, трезвый расчёт. Спасение сестры — вот что было главным. Всё остальное — суета.

Утром следующего дня Аника набрала номер института и попросила секретаря соединить её с профессором Тихомировым. «Ждите», — сухо обронила женщина, и в трубке поплыли первые такты бетховенской «К Элизе». Абонент не отвечал, а мелодия всё лилась и лилась, наполняя Анику щемящим чувством прекрасного. Ноты сплетались в знакомый до боли мотив, и казалось, что время замедлило свой непрерывный бег.

«Неужели в одном человеке могут уживаться столь возвышенная музыка и столь чудовищные поступки?» — думала она, продолжая заворожённо вслушиваться в мелодию. Эта мысль не отпускала её, ворочалась где-то глубоко, не находя ответа, а звуки фортепиано делали её ещё пронзительнее и острее.

— Добрый день, профессор Тихомиров на проводе, — раздалось в трубке. Аника вздрогнула, словно от неожиданного прикосновения, и на миг потеряла нить своих размышлений.

— Добрый день, Вилен Владимирович. Вы меня не знаете, я первокурсница мединститута. Хотела бы встретиться с вами и показать исследования моей сестры-биолога о макрофагах. В разговоре с вашим сыном я поняла, что ничего существенного по этому вопросу не скажу, поэтому хотела бы просто принести вам черновики сестры. Она, по всей видимости, что-то нащупала, но боится в этом признаться даже самой себе. Закрывшись в комнате, она только и твердит о каком-то возможном прорыве.

— А сама она подойти не сможет? Мы бы с ней поговорили как учёный с учёным, — несколько раздражённо проговорил профессор.

— Она застряла в бесконечных перепроверках и панически боится облажаться, — не отступала Аника, голос её зазвучал твёрже. — Но если вы увидите в её идеях хотя бы каплю здравого смысла, то, возможно, заинтересуетесь новыми разработками и возьмёте под своё крыло.

— У меня нет свободного времени на анализ сомнительных гипотез, — сухо отрезал профессор. — Я могу порекомендовать вам другого эксперта и организовать с ним встречу. Как ваша фамилия?

— Аника Душевина.

В трубке замолчали. Аника затаила дыхание, вцепившись в телефон так, будто он был единственной нитью, связывавшей её с надеждой. Ей хотелось верить, что произнесённая

фамилия встряхнёт память профессора, напомнит ему о Янине и тем самым заинтригует его. И, не давая ему опомниться, она снова пролепетала, торопливо и умоляюще:

— Вилен Владимирович, вы лишь заглянете в записи, и всё. Это не займёт много времени.

— Хорошо, я подумаю, — смягчив тон, ответил он. — Оставьте телефон секретарю, в случае чего я сам наберу вас.

Трубка замолчала. Аника громко выдохнула, словно сбросила с плеч неподъёмный груз. Она сделала всё возможное, чтобы встретиться с профессором, теперь оставалось ждать его хода.

— Похоже, прозвучавшая фамилия всё же кольнула память профессора? — проговорила Аника вслух, пытаясь объяснить внезапную перемену в его голосе. — И напомнила ему о Янине. Возможно, Вилен В. сразу догадался, что записи сестры — всего лишь предлог для встречи. Честнее было бы выпалить напрямую: «Профессор, отдайте мне крест по-хорошему — он мне нужнее…» Ничего, эту фразу я напишу на первом листе совершенно чистой тетради, крупно и разборчиво, чтобы не пришлось повторять дважды. А что, если Вилен В. назначит встречу внезапно, через час? А я совсем не готова! — подскочив со стула, Аника заметалась по комнате, торопливо приступая к выполнению второй части замысла.

Следующим этапом было спрятать крестик так, чтобы обычный человек его не нашёл. Порывшись в шкафу, девушка извлекла любимые носки Янины, связанные бабушкой: нежные кружевные, не то мини-гольфы, не то макси-носки — нечто среднее между ними. Вывернув левый наизнанку, она пришила к подошве потайной кармашек, спрятала туда своё сокровище и застегнула тайник на маленькую пуговицу. Установив астральную защиту — зная, что Вилен В. столкнётся с трудностями, копаясь в её разуме, — Аника решила спрятать крест в отделении реанимации. Лучшего места не найти: и людно, и не всякий войдёт.

После этого она подробно изложила на бумаге, куда и зачем отправится в ближайшее время, запечатала лист в конверт и подписала: «Послание для Севы». В случае опасности письмо являлось гарантом её жизни. В собственную гибель Аника не верила, но подстраховаться стоило: ведь в фильмах поступали именно так, чем девушка и не преминула воспользоваться. Из больницы она отправилась в центр, решив оставить послание в личном шкафчике Севы. Ключ от металлической ячейки у неё имелся — достался от сестры и всегда был при ней, лежал в кармане сумки. Аника решила: при малейшей угрозе она тут же сообщит Севке о письме смс-кой, которую набрала и сохранила в черновиках. Теперь она была готова к встрече с соперником на все сто. Дело оставалось за малым — подложить письмо в шкаф.

Здание центра талантов светилось огнями второго этажа. Аника бесшумно проскользнула внутрь, открыв дверь картой — благо она была у каждого ученика своя собственная. Дежурной, бабы Кати, на посту не оказалось. Видимо, привычное чаепитие, рождённое скукой, каждые полчаса гоняло старушку в женскую комнату, отчего дверь вахтёрки на это время оставалась без присмотра и свободной для доступа. Аника не колебалась ни секунды. Перемахнув через турникет, она нырнула в дежурку, схватила ключи от директорского кабинета, а на их место повесила свою связку от шкафчика — чтобы пустота на крючке не выдала её. Выскользнув за дверь, девушка замерла, прислушиваясь. Никаких посторонних звуков из коридора не доносилось. Ей совсем не хотелось столкнуться с бабой Катей нос к носу возле кабинета Рима Владимировича.

Встроенный в айфон фонарик оказался достойной заменой обычному. К тому же пробираться в кабинет тайком во второй раз по проторенной дорожке оказалось в разы проще. Заперев дверь изнутри, Аника направилась к сейфу. Но он был закрыт. Вот невезуха… Хоть бы раз забыли ключ в замке… Решив действовать по старой схеме, она с любопытством принялась перебирать бумаги на столе, перекладывая их одну за другой в строгом порядке.

Единственное, что привлекло её внимание, — акт выполненных работ на перевозку чего-то по маршруту Краснодар — Екатеринбург, целых три фуры. Что везут, понять сразу не вышло: накладной среди документов не было. Но внизу листка карандашом кто-то приписал дату. Скорее всего — день прибытия товара. Машины приезжают завтра. Перевозчик — транспортная компания ООО «Автологистик», место доставки — «г. Нижняя Пышма, ул. Свердлова, 4». Аника запомнила адрес. Оставалось выяснить, что и для кого везут.

Перебрав оставшиеся бумаги и не обнаружив ничего стоящего, она вернула все документы на место с педантичной точностью. Затем, ступая бесшумно, как тень, скользнула из кабинета в коридор. Что давала ей эта находка? Пока ничего. Девушка метнулась к ящикам учеников, распахнула Севкин, сунула письмо на верхнюю полку и захлопнула дверцу. Дело сделано.

Довольная результатом, Аника двинулась назад. Баба Катя, восседавшая на своём посту, готовилась к главному своему ритуалу, к чаепитию. Чайник сердито бурлил, печенье из кулёчка перекочёвывало на тарелку и ложилось ровным рядом по краю. Значит, минут через двадцать пост опустеет. Чтобы скоротать время, девушка нырнула в интернет, пробивая адрес доставки груза. Адрес вёл к ООО «Нижнепышминский хлебокомбинат» — заводу, кормившему город Нижняя Пышма хлебом и булками. Бред какой-то… Что могло везти туда из Краснодара по указанию центра? Выцепив через сеть телефон транспортной компании и забив его в контакты, Аника устроилась на подоконнике, раз за разом прокручивая в голове свой план. Время работало не на неё, и терять его было непозволительной роскошью. Интуиция не подвела: туалет потребовался ровно через двадцать минут, баба Катя не отступала от графика ни на секунду. Только она исчезла за поворотом, как Аника снова поменяла связки ключей, перемахнула через турникет и, шагнув за дверь, выпорхнула на свободу. Всё получилось без заминок — слаженно, организованно. А вот что дальше? Дальше — звонок в «Автологистик».

Спускаясь по ступеням, Аника набрала номер транспортной компании. Конец рабочего дня — гудки звучали монотонно, но никто не отвечал. Девушка уже решила отложить звонок до завтра, как в трубке что-то щёлкнуло:

— Алло! Добрый вечер, — Аника почти выкрикнула приветствие. — Вас беспокоит секретарь из центра «Талант». Хочу уточнить: груз на склад прибудет вовремя или с задержкой? Да, да, завтра должны. Нам нужно организовать разгрузку, понимаете? А упаковка какая? Ящики? Вес одного не подскажете? А ассортимент? Яблоки краснодарские, сорт «Айдаред». Да, да, всё верно. Спасибо за информацию. Значит, ждём прибытие груза завтра.

Аника сбросила звонок, и в голове тут же закружился рой мыслей: «Яблоки? Опять яблоки? В последнее время они проходят красной нитью в совершенно не связанных друг с другом событиях. Янина неспроста рисовала их на своих полотнах. Да и для нужд интерната три фуры яблок — явный перебор, отдающий абсурдом. Это же дофига. Может, новый бизнес? Интересно, зачем их везут на хлебозавод? Печь пирожки с яблоками?»

— Привет, ты чего здесь? — вопрос прозвучал из-за спины. Аника вздрогнула и обернулась. Перед ней стоял Влад.

— Здорова, — выдохнула она. — Хотела зайти в центр, да передумала. А ты, вижу, решил скоротать вечер вне дома. Что новенького в мире вундеркиндов?

— Последняя новость сногсшибательная, держись за перила. Сегодня только огласили. Мы, счастливцы, во время чемпионата мира по футболу будем раздавать рекламные подарки на стадионах по всей стране. Прикинь, как круто! Давай с нами! Ты уже без гипса, так что поехали, а? Из нашей группы все участвуют. Короче, план такой: старшаки едут в города подальше — типа в Москву, Питер, Казань, Самару, — а малыши раздают подарки здесь, в Екатеринбурге. Билеты и проживание оплачивает сам центр, представляешь? Я, к примеру, при жеребьёвке в Москву попал. Слушай, Янка, поехали с нами, я договорюсь.

Влад сиял, как новенький начищенный самовар, раздувая щёки от гордости.

— Интересная новость, главное — неожиданная. А кто всё это организует и спонсирует? Администрация города?

— Вроде да. Деньги целевые, говорят.

— А подарки какие? Майки и футболки с электробритвой?

— Почему с электробритвой?

— Мне логотип чемпионата-2018 напоминает электробритву с тремя плавающими ножами. У моего деда такая была, — рассмеялась Аника.

— Слушай, а ведь правда, похож на бритву, — Влад залился смехом. — Нет, подарком будут запечённые в тесте яблоки, стилизованные под футбольные мячи и упакованные в коробки.

— Яблоки — под мячи?

— Упаковка — рисунок мяча 2018 года, с логотипом и названием города. По-моему, оригинально.

— Да, неординарненько. Слушай, а договорись насчёт моей поездки. Согласна с тобой в Москву смотаться. Ни разу там не была, страсть как хочется. Ну как, поговоришь насчёт меня?

— Хорошо, ты только на неделе появись на занятиях, засвети личико. Четырнадцатого июня открытие. Мы уже на месте должны быть — меньше месяца осталось.

— Ясно. Завтра не смогу, послезавтра буду на занятиях как штык. Ну, пока, про меня не забудь, смотри, обещал. Буду должна, и заранее благодарю.

— Ян, а тебе Севка про поездку разве не говорил?

— У нас небольшие разногласия вышли. Поссорились мы, в общем. Да помиримся — какие наши годы. Ну, пока, Влад. Звони, если что. Я помчалась, дела.

— Пока, Ян.

Аника махнула парню рукой и, увидев подъезжающий автобус, побежала к остановке.

«Теперь понятно, зачем яблоки: дешёвый рекламный трюк. Но зачем это Вилену В.? Человек с именем в своих кругах — и вдруг такая бутафория. Для бессребреника вроде него подобный пиар смотрится дёшево, почти пошло. А взять государственные деньги и пустить их по ветру — в это тоже не больно-то верится. У него лаборатория, разработки, серьёзные проекты — и тут пшик, пустота. Вопрос повис в воздухе: зачем ему яблоки? И почему на картине Янины вдруг появилось яблоко и футбольная разметка?»

Аника не находила ответа. Она ощущала, как отдельные детали картины пульсируют в унисон с разворачивающейся действительностью, — но прямой связи уловить не могла.

«Возьму и прямо в лоб спрошу профессора про яблоки. Чего гадать? Выбью его этим вопросом из колеи, а следом огорошу информацией про крест. Если начнёт отпираться, выложу фотки Янкиных картин, что висят у него в кабинете. Авось сработает. Только бы кастетом по затылку не получить».

Открыв дверь ключом, Аника, не снимая верхней одежды, скользнула в комнату и без сил рухнула в кресло.

— Так, крест в надёжном месте, разоблачающее письмо — тоже. Дело сделано. Теперь ждём ответку от Вилена В. Человек он умный — в чужую игру не сунется, будет навязывать свою. Да и какой я ему противник? Он наверняка считает меня мухой, назойливо жужжащей над ухом. Так что, Ань, соберись. Пока голова профессора занята другим, более важным делом, пока он рассеян и невнимателен — оберни его замешательство в свою пользу. Иного пути — попросту нет.

Всё утро следующего дня телефон молчал. Безмолвствовал он и в течение всех занятий, что глухим отчаянием и тоской отзывалось в груди. Нет ничего невыносимее ожидания: бездействие притупляет внутренний порыв, растворяя его в тягучей, наваливающейся на плечи апатии.

Аника изо всех сил сдерживала себя, чтобы не сорваться и не набрать номер Вилена В.. И чтобы не дёргать телефон каждую секунду и не дёргаться самой, сразу же после занятий она отправилась в больницу к сестре, решив поделиться последними новостями. Разговор с Яниной заряжал её энергией. Она чувствовала, что сестра слышит её и понимает.

Вскочив в трамвай, Аника невольно наткнулась взглядом на злосчастное объявление, приклеенное над дверью, о приёме детей в центр «Талант». Ярость всколыхнулась в ней мгновенно: она сорвала листок, скомкала его в тугой комок и сунула в карман. Настроение испортилось окончательно. Устроившись у окна, она выдохнула весь свой гнев на стекло и, глядя на расплывшееся запотевшее пятно, машинально принялась рисовать пальцем. Сначала ствол, вокруг облако листвы, а затем яблоко: одно, второе, третье. Звонок телефона прервал это неспешное плодоношение яблони. На экране высветился рабочий номер профессора Тихомирова. Аника быстрым движением стёрла рисунок и, нажав кнопку, ответила:

— Алло. Здравствуйте.

— Добрый день, Аника. Вас беспокоит Вилен Владимирович. Вчера я был несколько резковат, сцепился с местными чинушами из-за целевого гранта на исследования. На новую тротуарную плитку нынче деньги дают охотнее, чем на новые изыскания. Чего уж говорить про обновление лаборатории. Куда катится мир — похоже, одному богу известно. Значит, вы хотите показать мне записи вашей сестры с революционными находками по защите клетки от токсичных частиц, так?

— Так. Но я мало в этом понимаю.

— Знаете, зачастую прорывы в науке происходят именно потому, что кто-то что-то плеснул не туда. И такая глупейшая оплошность становится сенсацией. Я готов посмотреть записи вашей сестры, и если это действительно прорыв, как вы говорите, я возьму вашу сестру на работу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.